

МАТЕРИАЛЫ САМИЗДАТА

Выпуск №33/79

14 сентября 1979 г.

<u>АС №№</u>		<u>стр.</u>
3718.	Раиса Лерт, член КПСС. "В парткомиссию при МГК КПСС... Заявление" с размышлениями о необходимости диалога властей с инакомыслящими (Москва), 5.3.79.	4
3719.	Иван Корейша, колхозник из дер.Высокое БССР. "Заявление" в Президиум ВС СССР и в ЦК КПСС с просьбой о восстановлении в колхозе, вкл. приложенное "Обвинительное заключение" от 15.12.76 (Москва), 10.6.79.	9
3720.	Аноним. составитель(и). Материал по процессу Льва Волохонского в Ленгорсуде 8 и 12.6.79 (Ленинград, 12 или вскоре после 12.6.79).	35
3721.	Семен Липкин, поэт, участник альманаха "метрополь". "Открытое письмо" секретарям Союза писателей СССР и другим, вкл. биографические сведения об авторе (Москва, июнь или июль 1979).	8

АС №3718. Раиса Лерт, член КПСС. "В парткомиссию при МГК КПСС... Заявление" с размышлениями о необходимости диалога властей с инакомыслящими (Москва), 5.3.79.⁺

В парткомиссию при МГК КПСС

от члена КПСС с 1926 г. ЛЕРТ Р.Б.¹
/партбилет №0933150/

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я не могу явиться на ваш вызов прежде всего потому, что я серьезно больна. Но, если бы даже не было этого существенного обстоятельства, вы сами освободили меня от морального обязательства явиться на ваш суд. Освободили тем, что возбудили мое "персональное дело", как сообщил мне тов. ИВАНОВ, по "данным органов КГБ", т.е. по секретному, необоснованному и непроверенному доносу. При этом, само собой, нарушаются все этические, юридические и уставные нормы: обвинители – тайные, неизвестные, обвинение – не сформулировано, первичная парторганизация устранена от разбора дела и т.д.

Но суть, в конце-концов, не в этом. В моем малом "персональном деле" хорошо просматривается общая ситуация: в партии и в стране успешно восстановлены сталинские нормы "презумпции виновности". В ведении органов КГБ – тайных, неподконтрольных и ненаказуемых – снова, как при СТАЛИНЕ, оказываются судьбы людей и решение идеологических вопросов. И они, эти органы, решают их своими тайными полицейскими методами.

Все это значительно шире и глубже, чем мой малый случай. Но в моем случае действуют те же законы беззакония. Возбуждая мое персональное дело, парткомиссия способствует узаконению бесправия. Вместо того чтобы призвать к ответу тех членов КПСС,

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

1. Раиса Борисовна.

которые незаконно снабдили ордерами Моспрокуратуры ворвавшихся ко мне на квартиру 25 января этого года тайных агентов КГБ, вы призываете к ответу меня. Вместо того, чтобы потребовать объяснений от этих агентов, которые, скрыв свои имена, рылись в моем белье и в моих письмах, подняли меня, больную, с постели, унесли с собой весь мой личный и литературный архив, мои книги и мою пишущую машинку, - вместо этого вы требуете объяснений и оправданий от меня.

В чем?

Тов. ИВАНОВ не сумел сформулировать обвинение. Из его сбивчивых объяснений я поняла, что мне инкриминируется общение с людьми, которые по тем или иным причинам не устраивают органы КГБ. Но, вступая в 1926 году в партию, я не передоверяла свой разум, душу и совесть этим органам - даже тем, каковы они были тогда и как бы они тогда ни назывались. А с тех пор я /как и многие из вас/ пережила тридцатые годы, когда эти "органы" уничтожили цвет партии. И если десятилетия сталинизма не вытравили у меня стермления самостоятельно размышлять над тем, что происходило и происходит в партии и в стране, то теперь, к концу жизни, этого уже не вытравить никакими угрозами.

Не со вчерашнего дня, и не с 1976 года, а гораздо раньше я думаю и пишу о том, что тревожит меня, и пытаюсь, путем обмена мыслями с другими, искать выход из бед и болей, переживаемых нашей страной. Излагать все эти мысли в коротком заявлении невозможно, но если вы хотите составить о них представление, вам следовало бы запросить у соответствующего ведомства изъятые им у меня мои статьи. Они, кстати, все подписаны моей фамилией, и многие из них в свое время были адресованы партийным органам и органам печати, пока я не потеряла надежду на способность работающих там людей прислушиваться к тем мнениям и соображениям, которые не совпадают с газетными передовицами. Это, впрочем, участь не только моя, человека вполне рядового: наши власти безрассудно и упрямо отказались вступить в диалог с такими достойными людьми, как

академик А.Д. САХАРОВ, Ю.Ф. ОРЛОВ и многие другие. Вместо диалога с инакомыслящими к ним применяются жесточайшие репрессии, вместо споров и дискуссий – клевета и обливание грязью.

И я позволю себе высказать здесь мое глубочайшее убеждение человека, посвятившего всю свою сознательную жизнь /с 16 лет/ делу создания коммунистического общества: не деятельность Хельсинкской группы, не выступления академика А.Д. САХАРОВА, даже не выступления или статьи действительных идейных противников социализма, – не это все следует считать антисоветскими или антикоммунистическими акциями. Наибольший вред идеалам социализма и коммунизма – и внутри страны, и на международной арене – наносит репрессивная политика наших властей. В этом смысле наиболее последовательным антисоветчиком и антикоммунистом был СТАЛИН, а сегодняшняя практика наследует сталинскую политику.

Разделяя взгляды ряда западных компартий, осуждающих репрессивные меры, к которым прибегают наши власти для подавления мысли, я считаю, что не может быть социализма там, где люди не могут свободно обсуждать любые политические, идейные, философские, религиозные, экономические и другие проблемы. И не только обсуждать, но и осуждать /если они считают необходимым/ деятельность своего правительства, партии, любого, самого высокопоставленного деятеля, любую, самую признанную и распространенную доктрину.

Без свободы мысли, слова и совести нет социализма – и нет выхода. Идеологическая монополия, вооруженная бичом полицейских репрессий, физически хлещет прежде всего по инакомыслящим, но идейно она разрушает именно тех, кто этим бичом орудует. Если на 62-м году после Октябрьской революции власть, называющая себя социалистической, партия, называющая себя коммунистической, противопоставляют чужой мысли полицейские меры подавления, – я не могу объяснить это иначе, чем нравственным и интеллектуальным бессилием тех, у кого нет других аргументов, кроме репрессий.

Я считаю, что подлинные социалисты, подлинные коммунисты должны обладать другими аргументами, должны уметь выслушивать мыслящих людей разных взглядов, прислушиваться к чужим мнениям,

искать истину в диалогах, спорах, дискуссиях, ведущихся в нормальных условиях и на равных правах. И свое участие в журнале "Поиски" /не антисоветском и не антикоммунистическом, но свободном и бесцензурном/ я рассматриваю как слабую, начальную попытку явочным порядком завязать на этом крохотном, рукописном пяточке тот доброжелательный диалог, который, я считаю, нужен нашей стране.

Р.ЛЕРТ

5 марта 1979 года

АС №3719. Иван Корейша, колхозник из дер.Высокое БССР.
"Заявление" в Президиум ВС СССР и в ЦК КПСС с
просьбой о восстановлении в колхозе, вкл. при-
ложенное "Обвинительное заключение" от 15.12.76
(Москва), 10.6.79.⁺

В Президиум Верховного Совета СССР
В ЦК КПСС

от КОРЕЙША Ивана Тимофеевича, кол-
хозника, проживающего в деревне
Высокое Коханского горпоссовета¹
Толочинского² района Витебской об-
ласти Белорусской ССР

З а я в л е н и е

В августе 1974 г. я был исключен из колхоза незаконно, по
произволу председателя колхоза ГРИГОРОВИЧА. В то же время он уво-
лил меня с занимаемой мной в колхозе должности пожарника. Я остал-
ся без работы. С тех пор я безрезультатно добиваюсь восстановле-
ния в колхозе. Я хочу жить в родной деревне. Хочу работать.

Мои родители и родители моих родителей родились и жили в
этой деревне. Когда организовались колхозы, они вступили в кол-
хоз. Отец был бойцом Красной Армии во время Великой Отечествен-
ной войны /умер от тифа в 1944 г./. Мать все время работала в кол-
хозе. Сейчас ей 70, она получает пенсию /38 рублей/.

Я родился в этой деревне /в 1938 г./. С 12 лет я работаю в
колхозе. Так как я вынужден был работать - нужда, я смог окон-
чить только пять классов. Двенадцать лет /с 1950 по 1962 г./ я
пас колхозных коров. Жили тогда впроголодь... Потом работал трак-
тористом. Потом - по болезни - меня перевели на более легкую ра-

⁺Перепечатка с фотоконии оригинала из АС.

1. Городской поселковый совет.

2. В получ.копии здесь и далее "Толченского". - ошибка.

боту - колхозным пожарником. /У меня тяжелая язвенная болезнь; врачи дали мне справку, что я должен работать на легкой физической работе, без ночных смен. В 1976 г. сотрудники районной милиции насильно отняли у меня эту справку./

Я не пью. Свою работу я всегда исполнял старательно, честно и с чувством ответственности.

Летом 1974 г., выполняя соответствующие инструкции, я написал рапорт председателю колхоза ГРИГОРОВИЧУ о том, что молочно-перегонный пункт колхоза находится в пожароопасном состоянии. Однако председатель не принял никаких мер, и тогда я сообщил о состоянии пункта в районную пожарную инспекцию. Они приехали и опечатали это помещение. Но председатель колхоза самовольно сорвал пломбу. Вскоре произошел пожар, и молочно-перегонный пункт и вся находящаяся там аппаратура сгорели. Я в это время был на бюллетене в связи с обострением язвенной болезни. На председателя наложили штраф /всего 60 рублей/. Когда после окончания бюллетеня я вышел на работу, председатель сказал мне, что из-за меня его подвергли штрафу, и сделает так, что мне будет плохо.

Вскоре после этого он исключил меня из колхоза.

Меня исключили из колхоза с грубым нарушением устава. На собрании присутствовало всего человек 30. Многие говорили, что исключать не надо, не хотели исключать. Но он /председатель ГРИГОРОВИЧ/ все равно сделал по-своему.

Я обращался к партторгу колхоза и в местком. Они жалели меня, но сказали, что против председателя ничего сделать не могут.

/Потом председатель составил ложный протокол, где написано, что на общем собрании колхоза присутствовало 358 человек и решение об исключении меня из колхоза принято единогласно. А у нас на собрания даже и 300 и 200 человек никогда не соберешь./

Исключил из колхоза и уволил с работы. Другую работу мне не предложили /да ведь я же теперь уже стал не колхозником.../.

Трудовую книжку мне не отдали, и я не знаю, что написано в приказе об увольнении. Потом в районной милиции, куда меня забирали много раз - за то, что я жалуясь, - мне говорили, что уволили потому, что я не справлялся с работой. Свою трудовую книжку я

просил, но мне не отдавали, говорили, что, когда где-нибудь поступлю на работу, там мне дадут новую трудовую книжку.

Я начал жаловаться на учиненное в отношении меня беззаконие. Сначала - в районные, партийные и советские инстанции /райком, райисполком, прокурору/. В районном суде от меня заявления не приняли, сказали, что суд трудовые конфликты колхозников не рассматривает.

Мной занялась районная милиция; то приезжали и забирали меня, то меня вызывали в район /25 км. от нашей деревни. Я по вызову не всегда ездил, т.к. денег у меня нет; тогда они приезжали и забирали/. Начальник милиции и его заместитель говорили, чтобы я перестал жаловаться, говорили - прекрати, а то заведем на тебя уголовное дело. Угрожали также, что будут бить, вывернут руки. Но не били.

Я дошел до Министерства сельского хозяйства БССР. Меня принял 2-го августа 1976 г. зам. министра тов. ГРОХОВСКИЙ А.А. Выслушав все мои объяснения и посмотрев мои документы, он сказал, что меня исключили неправильно, с грубейшим нарушением Устава колхоза. Потом он направил бумагу аналогичного содержания в райисполком /копию прислал мне/: "Уволен с работы и исключен из колхоза с грубейшим нарушением Устава колхоза. Прошу разобраться и принять меры".

В феврале 1977 г., когда я был на приеме у заведующего приемной ЦК КПСС ФИЛАТОВА¹, я показал ему этот документ. Он позвонил зав. сектором сельского хозяйства при ЦК ХОЗЯИНОВУ². Тот ответил, что "КОРЕЙША у меня уже был, и сделать я ничего не могу".

В мае 1978 г. я направил этот документ, вместе с моим заявлением, в редакцию центральной газеты "Сельская жизнь". От них я получил открытку, что они переправили мое письмо в райком КП.

Тов. ГРОХОВСКИЙ /зам. министра с.х. БССР/ обещал также, что пришлет представителя, чтобы он разобрался и уладил все на месте. Но никто не приехал.

Я снова хотел обратиться к нему. Но он меня не принял.

Я неоднократно приезжал в Москву, с жалобами. Начиная с 1975 г. я не раз был в приемной ЦК КПСС и в приемной Президиума

1. В.Н. Филатов, о нем см. АС №№3070, 3191, 3193.

2. М.С. Хозяинов, зав. сектором С.-х. отдела ЦК КПСС (см. "Сов. Бел.", 27.1.79); в 1972 - инструктор ЦК КПСС (там же, 11 и 13.1.72).

Верховного Совета СССР. В Президиуме меня принимали консультанты /в феврале 1979 г. я настаивал, чтобы меня принял зам. Председателя Верх. Совета КЭБИН¹ - я прочел в "Литературной газете", что он принимает даже и по более мелким делам, например, принял какую-то женщину, которая жаловалась на то, что ей не ставят газовую плиту, и, благодаря его вмешательству, плиту поставили;.. я прочел в "Лит. газете", что он принимает всех советских граждан, которые жалуются на несправедливость и просят оказать им помощь. Мне, однако, сказали, что ни КЭБИН, ни другой заместитель Председателя Президиума принять меня не могут. Когда я стал настойчиво просить, чтобы меня записали на прием к нему или к другому ответственному лицу, мне пригрозили, что вызовут милицию.../. В ЦК КПСС меня принимали так называемые инструктора; кроме того, один раз я был на приеме у зав. приемной ЦК ФИЛАТОВА и у заместителя нач. с.х. сектором БССР² МЕНЖИНСКОГО /март 1979 г./; с начальником этого сектора мне однажды удалось поговорить по телефону. Я хотел добиться приема у более ответственных товарищей, но к ним не пускают.

Представители Президиума Верх. Совета СССР и ЦК КПСС, к которым я попадал на прием, говорили, что мое дело правильное, но указывать местным властям они не могут. Мои письменные заявления они направляли обратно в обком и облисполком. А оттуда направляли в райком и райисполком. И снова и снова мне говорили, что я сам должен договориться с председателем колхоза, который меня уволил и исключил из колхоза: если тот захочет - примет обратно.

Я обращался также в редакции газет, местных и центральных /"Известия", "Сельская жизнь", "Труд"/, делал это начиная с 1974 г. От них я получал уведомления, что они переслали мое заявление областным и районным властям, в обком, райком или в облисполком, райисполком.

Тем временем милиция не оставляла меня в покое. В конце 1976 меня насильно привезли к глав. врачу районной больницы, где я до этого неоднократно лечился в связи с язвенной болезнью желудка. Офицер районной милиции сказал глав. врачу, чтобы он на-

1. Иван Густавович Кэбин, в должн. с 29.11.78 (см. "Пр.", 30.11.78).
2. Имеется в виду, вероятно, зам. зав. сектором по БССР С.-х. отдела ЦК КПСС.

писал, что я здоров, никакой язвы у меня нет, а старую историю моей болезни чтобы он уничтожил. Глав. врач так и сделал. У меня же сотрудники этой милиции еще перед этим насильно отняли справку от врачей, что я болен и должен работать только на легкой физической работе. В то же время на меня завели уголовное дело, будто я - "тунеядец". Меня вызвали в суд, но я не пошел на суд, а поехал в Москву. В феврале 1977 г. пришел в Министерство здравоохранения и сказал, что у меня тяжелая язва желудка, а в районной больнице меня больным не признают и не лечат.

По направлению из Министерства здравоохранения меня положили в Москве в больницу - Институт им.Сеченова. Там я лежал около 3-х месяцев, с 10 февраля до 25 апреля; меня обследовали и лечили; потом выдали справку - выписку из истории болезни /где значилось, что я страдаю язвенной болезнью желудка/, выдали также бюллетень за все время, которое я у них находился.

Едва я вернулся домой, меня схватила милиция, у меня отняли справку - историю болезни - и повезли меня на суд.

На суде говорили, что я не работаю, не хочу работать и что я занимаюсь кляузными и клеветой. А когда я начинал объяснять, то прокурор стучал кулаком по столу и приказывал мне замолчать /никакого защитника я не заметил/. Суд несколько раз выходил на совещание. Потом сказали, что я подлежу административной ответственности. Я сказал, что не понимаю, что это значит. Судья сказал, что пойму, когда надо будет. Никакого решения суда мне не дали. Но еще перед судом в милиции мне дали напечатанное на машинке обвинительное заключение, где я обвиняюсь в "тунеядстве", в "паразитическом образе жизни" по ст.204 УК БССР¹. /В приложении к настоящему заявлению я привожу копию этого обвинительного заключения, составленного 15 декабря 1976 г. зам. начальника Толочинского РОВД майором СМОЛЯК В.Н. и утвержденного 16 декабря начальником Толочинского РОВД подполковником милиции ОСИЛОВСКИМ М.Е., с визойа² Толочинского района ПЕЛУДЗЬ В.И./

Летом 1978 г., после того как я вернулся из Москвы, меня обманым путем насильно поместили в областную психиатрическую больницу.

1. Соотв. ст.209 УК РСФСР.

2. В получ.копии неразборчиво; вероятно, как указано.

Сделано это было так. Меня вызвали /повесткой/ в военкомат якобы для прохождения медицинской комиссии /я освобожден от службы в армии в связи с язвенной болезнью/. Военком предложил мне лечь в больницу, он сказал, что там мне будут лечить язву "гипнозом"; я сначала не соглашался, но он настаивал, что так надо. Когда я сидел и ждал направления в больницу в коридоре военкомата, на меня набросились двое милиционеров, надели на меня наручники, затолкали в воронок и повезли... Я оказался в областной психиатрической больнице, в палате, где было около 30 настоящих сумасшедших. Это было очень тяжело, от такого действительно можно сойти с ума. Там меня держали 17 суток; в это время меня не видел и не беседовал со мной ни один врач. Через 17 суток меня привели на комиссию. Эта комиссия проверяла, не глупенький ли я; задавали, например, такие вопросы: какая разница между птицей и самолетом, между лошадью и трактором; спрашивали о современной текущей политике, какой пост занимает Леонид Ильич БРЕЖНЕВ. Потом спросили, зачем я жалуюсь, сказали, что жаловаться не надо. И отпустили.

Когда в апреле этого года я приехал в Москву, районные власти сообщили сюда, что я - "опасный псих" и что меня необходимо разыскать. Милиция разыскала меня /я не прятался, я тогда остановился в гостинице возле ВДНХ/; меня привезли в 71 отделение милиции; здесь со мной беседовали офицеры милиции, потом - два врача-психиатра. Все они решили, что я совершенно нормальный. Они тоже спрашивали, зачем я жалуюсь. Я рассказал и показал им все свои документы. Они сказали - знаем...

Мне стало известно, что в деревне меня разыскивает милиция, и они хотят снова поместить меня в психиатрическую больницу, надолго. Уже раз пять приезжала милиция к моей старой матери, говорили ей, что теперь меня упрячут на два года...

/Мать плачет. Когда-то, во время немецкой оккупации, ей угрожали немецкие офицеры, добивались - где прячутся братья... А теперь - свои же.../

Я боюсь, что как только я вернусь домой, меня заберут в психбольницу.

В мае этого года я обратился в Красный Крест за небольшой материальной помощью: мне совсем не на что жить, но я не могу уехать из Москвы, так как еще не решены мои дела. Я надеялся, что мне дадут хотя бы 10-15 рублей. Я говорил вежливо и тихо, но я говорил, что имею право на помощь, ведь, когда я работал, я платил¹
привезли в 134 отделение милиции и держали там до вечера, около 10 часов. Там со мной говорил следователь, с моих слов он написал мое объяснение /те, из Красного Креста, сказали, что я веду себя грубо и хожу туда каждый день, хотя на самом деле я пришел в первый раз/.

Я хочу, чтобы меня восстановили в колхозе. Я хочу работать на посильной для меня работе. Деревня Высокое - моя родина, я здесь родился, здесь жили мои предки, здесь сейчас живет моя 70-летняя мать. У нас есть домик, небольшой приусадебный участок и корова.

Прошу оказать мне справедливость. Прошу восстановить меня в моих законных правах.

Прошу также оградить меня от необоснованных, незаконных преследований милиции и не допустить, чтобы меня - психически нормального человека - насильно поместили в психбольницу. Если и на этот раз вы не защитите мои незаконно попираемые права, я могу совсем погибнуть.

/КОРЕЙША И.Т./

10 июня 1979 г.

1. В получ.копии 1 или 2 строки отсутствуют.

Прилагаю к своему заявлению:

Обвинительное заключение

По уголовному делу №12705 по обвинению КОРЕЙША Ивана Тимофеевича в преступлении, предусмотренном частью первой ст.204 УК БССР

12 октября 1976 г. отделом внутренних дел возбуждено уголовное дело №12705 по обвинению КОРЕЙША Ивана Тимофеевича в преступлении, предусмотренном ст.204 ч.1 УК БССР.

Проведенным по делу дознанием установлено:

КОРЕЙША И.Т. с 1970 г. по август 1974 г. работал в колхозе им."ХХ съезда КПСС" на должности начальника пожарно-сторожевой охраны. 7 августа 1974 г., согласно решению правления колхоза им."ХХ съезда КПСС", должность начальника пожарно-сторожевой охраны была сокращена и инженеру по технике безопасности тов. ТИМАШКОВУ А.И. вменено исполнять функциональные обязанности начальника пожарно-сторожевой охраны /л.д. .../. Одновременно КОРЕЙШЕ И.Т. было предложено несколько видов работ, в том числе и по специальности тракториста. Однако КОРЕЙША И.Т. к работе не приступил.

Отделом внутренних дел в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР¹ от 15 августа 1975 г. "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный/образ жизни"² делалось несколько раз предупреждение и официальное предостережение КОРЕЙША и устанавливались сроки для трудоустройства /л.д. .../. В отношении трудоустройства КОРЕЙША И.Т. было вынесено официальное решение исполкома Толочинского⁴ райсовета депутатов... /л.д. .../, однако, несмотря на принимаемые меры, КОРЕЙША не приступил к работе.

Проживая в одном доме с матерью, домашнего хозяйства не ведет, а питается за счет пенсии матери, никаких побочных заработков не имеет, то есть ведет паразитический образ жизни /л.д. .../.

.....

1. В получ.копии "СССР" - опечатка.
2. В получ.копии слово "паразитический" пропущено.
3. Так в тексте. В действительности, Указом През. ВС БССР от 15.8.75 был признан утратившим силу Указ от 15.5.61 "Об усилении борьбы с лицами..."
- 7.8.75 През. ВС РСФСР одновременно с подобным указом принял закрытое Постановление о мерах воздействия на лиц, ведущих /продолж. см. на с.9/

Допрошенный в качестве обвиняемого КОРЕЙША И.Т. в предъявленном обвинении по части 1 ст.204 УК БССР виновным себя не признал и показал, что он не работает с августа месяца 1974 г. по настоящее время в связи с тем, что его уволил с работы председатель колхоза ГРИГОРОВИЧ Л.М. по злобе, из-за того, что якобы КОРЕЙША И.Т. подвергнул ГРИГОРОВИЧА Л.М. штрафу за нарушение правил противопожарной безопасности.

.....

Вина КОРЕЙША И.Т. в предъявленном обвинении полностью подтверждается показаниями самого КОРЕЙША И.Т., свидетелями, медицинскими справками /л.д. .../ и другими материалами дела.

На основании изложенного... на основании ст.207 УПК БССР настоящее уголовное дело подлежит направлению в прокуратуру Толчинского р-на для просмотра и утверждения обвинительного заключения и направления по подсудности..."

/сноски 3-4 к с.8/

паразитический образ жизни, и применении к ним ст.209 УК РСФСР (текст см. в Хр.37:73-75). По-видимому, През. ВС БССР принял аналогичное закрытое постановление 15.8.75.

4. В получ.копии "Толчинского" - опечатка.

АС №3720. Аноним. составитель(и). Материал по процессу Льва Волохонского в Ленгорсуде 8 и 12.6.79 (Ленинград, 12 или вскоре после 12.6.79).⁺

Предлагаемый материал по процессу ВОЛОХОНСКОГО ни в коем случае не является стенограммой; в описании возможны неточности и упущения.⁺⁺ Все попытки стенографировать или вести магнитофонную запись непосредственно в зале суда пресекались властями.

8 июня состоялся суд над членом СП СМОТ¹ Львом Яковлевичем ВОЛОХОНСКИМ. Суд состоялся в здании городского суда г. Ленинграда. Судебное заседание продолжалось в течение двух дней. Первоначально второй день заседания был назначен на 11 июня, а затем перенесен на 12 июня по неизвестным нам обстоятельствам.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В начале судебного заседания была выяснена неявка свидетелей САМОЙЛОВА и НОВОДВОРСКОЙ. Последней, как выяснилось, не была вручена повестка, хотя сама НОВОДВОРСКАЯ изъявляла желание присутствовать на суде.

После оглашения состава суда ВОЛОХОНСКИЙ заявил, что претензий к составу суда не имеет. Затем последовало заявление ВОЛОХОНСКОГО об отказе от адвоката. Реакция судьи на отказ от адвоката была следующей:

⁺Перепечатка с фотокопии оригинала из АС. ⁺⁺Н.В. - ред. АС.

1. Совет представителей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. О СМОТ см. АС №№3512, 3513, Хр.52:172; его ИБ №1 - АС №3669.

Судья¹: Не состояли ли вы на учете в психдиспансере?

ВОЛОХОНСКИЙ¹: Пока еще нет.

Судья: Имеете ли вы юридическое образование?

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет.

Судья: Но в процессе обучения в университете вы слушали какие-либо юридические дисциплины?

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет, кроме каких-то лекций о трудовом законодательстве. Если я неточно сформулирую закон, пусть меня поправят.

Далее судья ЯКОВЛЕВ зачитал обвинительное заключение:

ВОЛОХОНСКОМУ инкриминируется следующее:

1. Составление и распространение писем в защиту СКВИРСКОГО^{1а}.
2. Передача западным корреспондентам информации о создании СМОТ; составление документов СМОТ.

3. Систематическое изготовление и распространение в письменной и устной форме информации, порочащей советский общественный и государственный строй:

а. Устное: из показаний Марка МОРОЗОВА следует, что в разговоре с ним ВОЛОХОНСКИЙ заявил: "В СССР не обеспечены демократические права".

б. Передача Ю.ЛЕВИТАНУ для прочтения отрывков^{из}/3-го тома "Архипелага ГУЛаг" /гл. "Побег"/ - на основании письменных показаний ЛЕВИТАНА от 17.4.79 г.

в. Передача А.²СНИСАРЕНКО журнала "Посев".

г. ФАИН получал литературу /"Континент", "Время и мы" - несколько номеров/ у СНИСАРЕНКО и со слов последнего понял, что тот, в свою очередь, получал литературу от ВОЛОХОНСКОГО, - из показаний ФАИНА.

д. Передача СНИСАРЕНКО всех книг пункта "г", а, кроме того, "Хроники текущих событий" - 2 выпуска, и журнала "ХЗП"³ - на основании письменных показаний СНИСАРЕНКО.

е. Передача А.⁴ДРУЖИНИНУ фотокопий статей КОРЖАВИНА, АНИНА, книги А.САХАРОВА "В борьбе за мир и демократию"⁵ - на основании письменных показаний А.ДРУЖИНИНА.

-
1. В получ.копии здесь и далее "С", "В." и т.д.
 2. Александр.
 3. "Хроника защиты прав в СССР".
 4. Андрей (см. с.21).
 5. Вероятно имеется в виду сборник "А.Сахаров в борьбе за мир", Франкфурт-на-Майне, 1973.
 - 1а. Л.Волохонский подписал, напр., обращение к "Писателям,.. " в защ. А.Сквирского (см. АС №3631).

Кроме этого, в обвинительное заключение внесено мнение следствия о необходимости выделения уголовных дел на гр.гр.: В.БОРИСОВА, Н.НИКИТИНА, А.ЯКОРЕВУ, Л.АГАПОВУ, В.НОВОДВОРСКУЮ, А.ИВАНЧЕНКО¹ и др. /Очевидно, под многозначительным "и др." подразумевались остальные члены Совета представителей СМОТ./

Допрос ВОЛОХОНСКОГО

Судья: Признаете ли Вы себя виновным?

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет, не признаю.

Судья предлагает дать показания по поводу обвинительного заключения. ВОЛОХОНСКИЙ поясняет /по поводу обвинений в устном распространении заведомо ложных измышлений/, что действительно мог говорить, хотя и не такими словами, М.МОРОЗОВУ, что в нашей стране недостаточно обеспечены демократические права и свободы. При этом он ссылается на 25 съезд КПСС: "В материалах 25 съезда указывается, что необходима демократизация нашего общества" /растерянность судьи и прокурора/. Далее судья, опомнившись, произносит: "Там, видимо, говорилось о дальнейшей демократизации..." ВОЛОХОНСКИЙ задает вопрос: Существует ли такая организация, которая решает, какие книги являются запрещенными, а какие - нет? Или, может быть, есть какие-нибудь списки книг, которые читать нельзя? Судья не отвечает.

Далее судья просит рассказать все, что известно ВОЛОХОНСКОМУ о СКВИРСКОМ - т.е. о времени, месте и обстоятельствах знакомства с последним.

ВОЛОХОНСКИЙ: Со СКВИРСКИМ мы знакомы года два, более точно помнить не могу.

Судья: При каких обстоятельствах вы познакомились?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мне негде было ночевать, а СКВИРСКИЙ предложил мне ночлег.

Судья: Прямо на улице?

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет, мы познакомились через общих знакомых.

1. Владимир, Николай, Альбина, Людмила, Валерия, Александр соотв.

Судья: Кто именно вас познакомил?

ВОЛОХОНСКИЙ: ЛЕСНИЧЕНКО.

Судья: Ваше знакомство продолжалось?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да.

Судья: На какой почве?

ВОЛОХОНСКИЙ: Ну, во-первых, на почве моей бездомности и его гостеприимства. Во-вторых, у него богатейшая коллекция пленок с записями песен самодеятельных авторов, и вообще он - интересный человек.

Судья: Как часто вы встречались?

ВОЛОХОНСКИЙ: Точно не могу сказать, но мы были знакомы хорошо.

Судья: Вам известны политические взгляды СКВИРСКОГО?

ВОЛОХОНСКИЙ: В общих чертах.

Судья: Вы их разделяете?

ВОЛОХОНСКИЙ: Ни в коем случае. СКВИРСКИЙ марксист, а я - нет.

Судья: Какое основание вы имели утверждать, что СКВИРСКИЙ был арестован незаконно, т.е. клеветать на советское правосудие и на советский правопорядок?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мои заявления в защиту СКВИРСКОГО ни в коем случае не являются клеветой, так как я уверен, что он - бескорыстный человек. Кроме того, мне известно, что на обыске присутствовали сотрудники с миноискателями /искать книги?; было изъято всего 9 книг с библиотечными штампами и много профсоюзных документов. Я убежден в невинности СКВИРСКОГО, основываясь на своем знании этого человека.

Прокурор: Почему вы не жаловались?

ВОЛОХОНСКИЙ: Я знал, что это делалось.

Прокурор: Какое право вы имели выразить свое мнение?

ВОЛОХОНСКИЙ: Вот уж не знаю, кто дал мне это право.

Судья: Вы никогда не ошибаетесь?

ВОЛОХОНСКИЙ: Как и всякий человек, могу ошибаться, но в данном случае убежден, что СКВИРСКИЙ невиновен. Если бы даже мое мнение было ошибочным, все равно его нельзя назвать "заведомо ложным". Приведу пример. Здесь меня охраняют два курсанта. Если я,

зная и помня это, выйду и скажу, что тут стояли четыре милиционера, то это будет заведомо ложным утверждением. Но если я скажу, что здесь стояли два солдата, будучи сам в этом уверен, то это будет ложным, но не заведомо ложным утверждением.

Судья: Сегодня слушается дело, где человек обвиняется в краже библиотечных книг на несколько тысяч рублей, а в доме у него не то, что девяти, а ни одной книги с библиотечным штампом найдено не было. Вы же не знаете всех материалов следствия и оперативных данных против СКВИРСКОГО. Как же вы можете быть уверены в его невиновности? Почему вы обвиняете следственные органы в незаконных действиях?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мое личное знание СКВИРСКОГО говорит мне о том, что СКВИРСКИЙ не способен быть вором. Я еще раз повторяю, что убежден в этом до сих пор. Вообще взгляды всех людей могут изменяться, и я не уверен, что через два или десять лет не изменится мое отношение к тем или иным вопросам. Но в настоящий момент я не верю в виновность СКВИРСКОГО.

Прокурор: А вы знаете, что сейчас книги могут стоить и пять рублей, и сто рублей? Возьмем, грубо говоря, среднюю цену книги десять рублей. У СКВИРСКОГО нашли девять книг, так что же с ним делать? Не наказывать?

ВОЛОХОНСКИЙ: Почему же? Наказывать.

Реплика из зала: Платить в пятикратном размере! И он уплатил!

Судья: Итак, закончим о СКВИРСКОМ, а то у нас ни на что не хватит времени. Получается, что основанием для вашего заявления о невиновности СКВИРСКОГО явилось ваше субъективное представление о нем и его хорошая музыкальная коллекция. А как составлялось письмо в защиту СКВИРСКОГО?

ВОЛОХОНСКИЙ: В каком смысле?

Судья настаивает на том, чтобы Лев подробно описал процедуру. Лев поясняет, что каждый член СП СМОТ предлагал свой вариант письма, и инкриминируемый ему черновик является его собственным, но никак не окончательным вариантом.

Судья: Ну, и то, что мы откладывали под самый конец. Вы ска-

зали, что СКВИРСКИЙ был марксистом, а вы не разделяли его платформу. Каковы ваши убеждения?

ВОЛОХОНСКИЙ: У меня нет определенных политических убеждений, т.е. законченной системы взглядов, если под этим подразумевать стройную систему представлений о том, как должно быть устроено общество.

Далее следуют вопросы судьи об участии ВОЛОХОНСКОГО в СМОТ и пресс-конференции.

Судья: Какое участие вы принимали в СМОТе?

ВОЛОХОНСКИЙ: Я был членом Совета представителей СМОТ.

Судья: Вы стояли у истоков? Что это за организация? Расскажите, пожалуйста.

ВОЛОХОНСКИЙ: СМОТ - организация профсоюзного характера, защищающая права трудящихся в самом широком смысле. Никаких политических целей СМОТ не преследует. В легальности этой организации я да и вы, наверное, не сомневаетесь. В Конституции СССР дается право на организацию любых профсоюзов. Я считаю создание профсоюзов подобного типа делом давно назревшим. Это - естественный процесс, выражающий потребности трудящихся во взаимной поддержке.

Прокурор: Почему вы не вступили в наши официальные профсоюзы? Если видите недостатки в их работе, вступайте в наши профсоюзы и исправляйте их работу.

ВОЛОХОНСКИЙ: ВЦСПС и СМОТ преследуют разные цели. ВЦСПС - школа коммунизма, а дело СМОТ - заботиться о сегодняшнем дне, о защите прав трудящихся.

Далее судья задает вопросы о личном участии ВОЛОХОНСКОГО в организации СМОТ.

ВОЛОХОНСКИЙ: Я знал о существовании в стране профсоюзного движения, но сам не считал нужным принимать в нем участие в силу природной лени и занятости другими делами. А когда я почувствовал необходимость подключиться к этому движению, я подключился.

Судья: В какой момент вы подключились к движению? Стояли у истоков или подключились на определенной стадии?

ВОЛОХОНСКИЙ: Подключился на определенной стадии.

Судья: Объясните нам, на какой именно.

ВОЛОХОНСКИЙ: На стадии составления основополагающих документов СМОТ.

Судья: Расскажите нам подробнее, как это произошло.

ВОЛОХОНСКИЙ: Я же говорю: вошел в СП СМОТ и т.д.

Судья: Ну что, вы утром проснулись, встали и вошли в СП СМОТ?

ВОЛОХОНСКИЙ: Ну, приблизительно так.

Судья: Ну, давайте, я вам помогу. Вы встали, вышли на улицу и наверно отправились к Московскому вокзалу.

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, я отправился к Московскому вокзалу, купил билет и с билетом доехал до Москвы, а там я принял участие во встрече с корреспондентами, вошел в СП СМОТ и т.д.

Судья: Подождите. Мы остановились в Москве на Ленинградском вокзале.

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, да. На вокзале я сел в метро, доехал до Речного вокзала, там пришел на Беломорскую улицу, дом..., и сразу сказал Марку МОРОЗОВУ, что в стране не обеспечены демократические права. Я сразу поясню, чтобы больше к этому не возвращаться. /Смех в зале./

Судья: Не юродствуйте, ВОЛОХОНСКИЙ. По-моему, ваши слова больше рассчитаны на определенную реакцию в зале.

.....

Судья: Вы принимали участие во встрече с двумя иностранными корреспондентами 28 октября 1978 года на квартире Марка МОРОЗОВА?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, я там чай заваривал.

Судья: Непосредственно вы участвовали во встрече?

ВОЛОХОНСКИЙ: Ну, да, заваривал чай.

Судья: Но вы подавали какие-нибудь реплики?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, я спрашивал, не хотят ли чая.

Судья: Меня не интересуют ваши хозяйственные функции. Вы отвечали на какие-нибудь вопросы?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, меня спросили, как я отношусь к передачам ВВС¹, и я ответил, что отношусь неплохо, интересные передачи.

Судья: Вы не помните фамилии этих двух иностранцев?

1. Т.е. "Би-Би-Си".

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет, не помню.

Судья: Вы что, часто встречаетесь с иностранными корреспондентами, и это для вас рядовое событие? По-моему, даже для людей, принимающих у себя корреспондентов, это событие необыденное.

ВОЛОХОНСКИЙ: У меня нет этого, .. как вы говорите, .. низкопоклонства перед Западом.

Судья: Это делает вам честь, но все-таки... А кто отвечал за эту конференцию, приглашал корреспондентов?

ВОЛОХОНСКИЙ: СП СМОТ.

Судья: Но как именно это было организовано?

ВОЛОХОНСКИЙ: За несколько дней до конференции собрался СП СМОТ, который решил провести эту конференцию.

Судья: В каком составе? Кто именно?

ВОЛОХОНСКИЙ: СП СМОТ в тогдашнем составе.

Судья: Почему вы думаете, что это на самом деле были иностранные корреспонденты? Откуда вы могли это знать?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мне сказали, что это корреспонденты, и я поверил.

Судья: Ну вот, вам кто-нибудь себя назовет, и вы поверите?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, Я очень доверчивый человек.

Судья: А не выполняли эти иностранцы какие-либо иные функции?

ВОЛОХОНСКИЙ: Я не привык встречать в своем доме и в домах своих знакомых людей, выполняющих "какие-либо иные функции".

Судья: Ну, хорошо. Но не будете же вы отрицать наличие идеологической борьбы?

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет, не буду.

Судья: Пресс-конференция - это же политическое мероприятие. Корреспонденты, придя на нее, имели политические цели.

ВОЛОХОНСКИЙ: Вот если бы я работал корреспондентом какой-нибудь газеты, то как добросовестный корреспондент, так сказать, по долгу службы, интересовался^{бы¹} всеми сторонами жизни страны, в которой работал.

Судья: Но вы не будете отрицать, идет идеологическая борьба и корреспонденты, в частности, принимают в ней активное участие?

1. В получ.копии "бы" пропущено.

ВОЛОХОНСКИЙ: Объективно, все люди, живущие на земле, принимают участие в идеологической борьбе. Но субъективно, каждый человек может принимать в ней участие или не принимать. Один корреспондент может участвовать, а другой - нет.

/.../

Сообщение корреспондентам о создании СМОТ не является политическим действием. Интересу корреспондентов к созданию профсоюза нет оснований приписывать политические мотивы.

Судья: Более чем наивное рассуждение.

Далее судья предлагает ВОЛОХОНСКОМУ вопросы о Ю.ЛЕВИТАНЕ.

Судья: Как вы познакомились с ЛЕВИТАНОМ?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мы познакомились в экспедиции, где я работал техником, а он - рабочим.

Судья: Что вас связывало?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да ничего не связывало.

Судья: Как же так?

ВОЛОХОНСКИЙ: Бывает же, что люди находятся в хороших отношениях, не имея общих интересов.

...ЛЕВИТАН зачитывал меня своими стихами, а я - человек вежливый, я терпел.

Судья: Вы считаете, что его стихи - дилетантство?

ВОЛОХОНСКИЙ: Гораздо хуже. Это - графоманство.

Судья: Считаете ли вы ЛЕВИТАНА нормальным?

ВОЛОХОНСКИЙ: Я не психиатр.

Судья: Я не спрашиваю о проведении специального психиатрического обследования. Существует реакция здорового человека на больного. И спрашиваю вас как человека здорового - а мы в этом не сомневаемся - нормальный ли человек ЛЕВИТАН.

ВОЛОХОНСКИЙ: В пределах обычных человеческих странностей. У него была мания печататься.

Судья: Как, по-вашему, ЛЕВИТАН - порядочный человек?

ВОЛОХОНСКИЙ: По-моему, нет.

Судья: Были ли у ЛЕВИТАНА причины на вас обидеться?

ВОЛОХОНСКИЙ: Сначала мне казалось, что таких причин у него

не было, но, читая его заявление, я понял, что, очевидно, были. /.../ Он шкаф перевез моим родителям и за это обиделся на меня по-чему-то.

Судья: Других причин обижаться на вас у него не было?

ВОЛОХОНСКИЙ: Он пригласил девушку в театр, а так как он ее, как и всех других, замучил стихами, то она попросила меня и еще одного человека пойти вместо нее.

Судья: ЛЕВИТАН в своем заявлении от 17 апреля 1979 года утверждает, что вы, находясь на улице В.Вишневского, в 1975 году давали ему главу из книги "Архипелаг ГУЛаг". Вы подтверждаете эти показания?

ВОЛОХОНСКИЙ: Нет. Я ЛЕВИТАНУ этой книги не давал.

Приглашается свидетель ЛЕВИТАН.

Следуют вопросы о знакомстве и взаимоотношениях.

ЛЕВИТАН: Я читал ему свои стихи, ему они не нравятся, а кому приятно выслушивать подобное мнение о своем творчестве?

Судья: Вы испытываете неприязнь к ВОЛОХОНСКОМУ?

ЛЕВИТАН: Да.

Судья: Почему?

ЛЕВИТАН: Я пытался мирить его с женой, когда он разводился, тут мы и поссорились - сами понимаете, что это дело неблагоприятное.

Судья: Давал ли вам ВОЛОХОНСКИЙ какую-нибудь литературу?

ЛЕВИТАН: Да, давал. Стихи, "Индийскую философию", "Карма-Йогу".

Судья: А "Архипелаг ГУЛаг" он вам не передавал?

ЛЕВИТАН: Нет, не передавал.

Судья: Странно. В вашем заявлении от 20 апреля 1979 года вы собственной рукой записали, что получили от ВОЛОХОНСКОГО фотокопию главы "Побег" из книги "Архипелаг ГУЛаг".

ЛЕВИТАН: Сейчас я объясню. Был такой философ, работал на кладбище, преподавал карате и английский. /Смех в зале./ Фамилия его ТАРАКАНОВ. Он заходил к ВОЛОХОНСКОМУ. Разговаривали о философии. Я живу далеко за городом, поэтому, когда не успеваю на по-

следнюю электричку, остаюсь в городе, иногда у Льва. Однажды, когда я был, пришел ТАРАКАНОВ, а у него был "ГУЛаг".

Судья: Это все - детали.

ЛЕВИТАН: Ну, я попросил у него почитать из любопытства, он сказал, что даст в следующий раз, долго не выполнял обещания, потом дал.

Судья: Кто? ВОЛОХОНСКИЙ?

ЛЕВИТАН: Нет, ТАРАКАНОВ.

Судья: Вы знаете, где сейчас находится ТАРАКАНОВ?

ЛЕВИТАН: В отъезде.

Судья: Что значит - в отъезде? Он находится на территории Советского Союза?

ЛЕВИТАН: Нет, он уехал за границу.

Судья: Когда вы узнали об этом?

ЛЕВИТАН: Мне об этом сказали сотрудники КГБ.

Судья: Тогда все становится на свои места. Это сейчас вообще модная тенденция сваливать все на уехавших в государство Израиль. Так почему же во время следствия вы давали ложные показания? Почему в ваших показаниях фигурирует ВОЛОХОНСКИЙ, а не Иванов, Петров, Сидоров?

ЛЕВИТАН: Ко мне пришли на работу, вызвали в отдел кадров, заперли в комнату, стали допрашивать, сообщили об аресте ВОЛОХОНСКОГО. Я об этом ничего не знал и растерялся, поэтому не мог толком вспомнить.

Судья: Так, откуда же именно ВОЛОХОНСКИЙ взялся в ваших показаниях? Просто вы тогда перепугались и сказали правду, а теперь лжете.

ЛЕВИТАН: Я не лгу, а хочу исправить ошибку.

Судья: Нет, вы лжете, потому что вас загнали в угол.

ЛЕВИТАН: Думайте, что хотите, мне и так неприятно находиться здесь, но я говорю правду - "Архипелаг ГУЛаг" я получил от ТАРАКАНОВА.

Прокурор: Когда вы говорили правду - сейчас или на следствии?

ЛЕВИТАН: Сейчас.

Прокурор: Вы брали у ВОЛОХОНСКОГО другую литературу?

ЛЕВИТАН: Да, у меня и сейчас что-то дома валяется.

Судья: Вы рассказывали кому-нибудь, что оболгали вашего знакомого?

ЛЕВИТАН: Нет, я же расписочку давал...

ВОЛОХОНСКИЙ: Почему вы в своем заявлении называете меня своим другом?

ЛЕВИТАН хочет ответить, судья перебивает:

Судья: Это к делу не относится... С вами все ясно.

Необходимо пояснить, что ЛЕВИТАНУ после допроса было предложено принести в КГБ имеющийся у него отрывок из "Архипелага ГУЛаг" /пресловутого "Архипелага", по выражению ЛЕВИТАНА/, но он этого не сделал, т.к. "не нашел". По предположению ЛЕВИТАНА, он мог выбросить книгу в мусорную корзину за ненужность.

Свидетель ФАИН

Судья: Знакомы ли вы с ВОЛОХОНСКИМ?

ФАИН: Виделся 1-2 раза.

Судья: Каким образом познакомились?

ФАИН: У СНИСАРЕНКО.

Судья: Давно ли знакомы со СНИСАРЕНКО?

ФАИН: Год или два.

Судья: Что вас объединяло?

ФАИН: Интерес к философии и музыке.

Судья: Обменивались ли вы литературой?

ФАИН: У СНИСАРЕНКО я получил два номера журнала "Посев", 1 номер "ХТС", 1 номер "ХЗП", "Континент", и вернул все за исключением журнала "Посев".

Судья: Как вы думаете, откуда СНИСАРЕНКО получал эти книги?

ФАИН: Я не знаю.

Судья: В вашем заявлении написано: "Со слов СНИСАРЕНКО я понял, что эти книги СНИСАРЕНКО получил у ВОЛОХОНСКОГО". По каким же словам вы это поняли?

ФАИН: Я не точно там написал, я не со слов СНИСАРЕНКО понял, а домыслил сам, зная из знакомых СНИСАРЕНКО только одного ВОЛО-

ХОНСКОГО и зная, что у СНИСАРЕНКО знакомых немного, и зная, что "Индийскую философию", которую мне давал СНИСАРЕНКО, он получил от ВОЛОХОНСКОГО.

Судья: Но здесь вы ведь ясно пишете: "Я знаю из разговоров со СНИСАРЕНКО..."

ФАИН: Нет, я писал "Я понял со слов СНИСАРЕНКО..." Но это неточно. Я сам так решил.

Судья: Но вы же не настолько глупы, чтобы не понять ясно сказанных слов. Вы, я вижу, ФАИН, неглупый человек, стараетесь и свой интерес соблюсти, и других не задеть. Так вы не будете возражать против формулировки: "Я понял со слов СНИСАРЕНКО"? /ФАИН молчит./
Есть ли вопросы к свидетелю?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мы с вами виделись один или два раза, говорили ли мы с вами о политике?

ФАИН: Нет.

ВОЛОХОНСКИЙ: Я вам давал какую-нибудь литературу?

ФАИН: Нет, не давали.

Свидетель СНИСАРЕНКО

Судья: Знакомы ли вы с ВОЛОХОНСКИМ?

СНИСАРЕНКО: Да, знаком.

Судья: Как давно?

СНИСАРЕНКО: Лет пять.

Судья: Кто вас познакомил?

СНИСАРЕНКО: ПИНЕС.

Судья: А вы знаете, где сейчас ПИНЕС?

СНИСАРЕНКО: Он эмигрировал.

Судья: Что вас объединяло?

СНИСАРЕНКО: Интерес к философии.

Судья: Что давал читать?

СНИСАРЕНКО: "Индийскую философию".

Судья: Автора не помните?

СНИСАРЕНКО: Кажется, РАДХАКРИШНАН.

Судья: В показаниях ФАИНА говорится, что вы давали ему для

прочтения журналы "Посев", "ХТС", "ХЗП", "Время и мы", "Континент". В вашем заявлении от ... числа говорится, что вы получили эту литературу от ВОЛОХОНСКОГО.

СНИСАРЕНКО: Я сейчас все объясню.

Судья: Но это заявление написано вами?

СНИСАРЕНКО: Да, моей рукой.

Судья: Что значит "вашей рукой"? Вас взяли за руку и ею водили?

СНИСАРЕНКО: Сейчас я все объясню. Я написал заявление Генеральному Прокурору СССР. Копия у меня здесь с собой. Я могу вам ее отдать.

Судья: Не надо. Мы вам верим. Только зачем было писать Генеральному Прокурору? Можно бы и пониже...

СНИСАРЕНКО: Дело в том, что весь этот список мне продиктовали сотрудники КГБ.

Судья: Так, значит, ничего того, что содержится в вашем заявлении, не было? Как же вы в такой серьезной организации, как КГБ, давали такие неверные, необдуманые показания? Вы знаете, для чего эта организация существует?

СНИСАРЕНКО: По-моему, для того чтобы охранять безопасность нашего государства.

Судья: Да, вы правы, СНИСАРЕНКО: для того чтобы охранять наше государство от таких, как вы, СНИСАРЕНКО.

СНИСАРЕНКО: Сотрудники КГБ приехали ко мне на работу, перепугали моих сослуживцев, искали меня целый день.

Судья: Значит, ваши сослуживцы лучше, чем вы, понимают, что КГБ - организация серьезная?

СНИСАРЕНКО: Они беседовали со мной в течение семи часов, грозили тюрьмой, просили подумать о моих родных и близких. Велась своеобразная игра: сотрудники КГБ диктовали названия книг и спрашивали: "Вам давал это ВОЛОХОНСКИЙ?". В конце концов мне надоело, я устал, все стало мне безразлично, и я подтвердил все, что от меня требовали.

Судья: Вы знаете этих сотрудников КГБ?

СНИСАРЕНКО: Не помню. Кажется, Александр Николаевич, Владимир Андреевич, но точно уже не помню.

Судья: Но вот еще одно ваше заявление в прокуратуру, тут показания, отличные от того, что вы говорили в КГБ, и от того, что вы говорите сейчас. Так где же вы лжете, где говорите правду? В первый, во второй раз или сейчас?

СНИСАРЕНКО: Сейчас я говорю правду.

Судья: Почему же вы лгали ГРИГОРОВИЧУ?

СНИСАРЕНКО: Когда я спросил, по какому делу я вызван, ГРИГОРОВИЧ ответил: "Не по делу, а по фактам. У нас теперь неограниченные полномочия". Первую половину нашей "беседы" я просто сидел, а он переписывал мои показания в КГБ. Я не думал, что мои показания могут привести к такому результату. Когда арестовали Льва, я пришел к решению сказать всю правду - и отправил заявление о жестоком, противозаконном обращении со мной сотрудников КГБ для получения нужной им информации.

Судья: Почему только после ареста ВОЛОХОНСКОГО вы решили пожаловаться на неправильное обращение с вами? Почему не подали свой протест сразу после этой беседы? Почему вы смалодушничили?

СНИСАРЕНКО: Сначала я не придавал этому значения, не думал, что это может иметь такие последствия, но тем не менее на беседу с ГРИГОРОВИЧЕМ я принес заявление с жалобой на сотрудников КГБ. ГРИГОРОВИЧ сказал: "Заберите это. Вы что, в тюрьму захотели?" - и я действительно смалодушничал. Но после ареста ВОЛОХОНСКОГО я написал заявление на имя Генерального Прокурора СССР, где подробно описал все те беззакония, которые творили со мной сотрудники КГБ и ГРИГОРОВИЧ.

Судья: Позвольте, я взгляну на эту копию? Вы, кажется, этого хотели? /Читает заявление вслух./ А что вы так стоите? Что вы делаете т а к о е д е б и л ь н о е л и ц о? Вот, ГРИГОРОВИЧ, зная, что от таких людей, как вы, можно ожидать л ю б о й п о д л о с т и, после каждого абзаца в вашем заявлении давал вам расписываться. Вот я сейчас подсчитаю: семь, нет, восемь раз.

... Боюсь, как бы нам не пришлось зачитывать это заявление еще раз, но у ж е н а д р у г о м с у д е ...

Прокурор: У вас с родителями хорошие отношения?

СНИСАРЕНКО: Хорошие.

Прокурор: Скажите, а кто у вас отец?

СНИСАРЕНКО: Юрист.

Прокурор: А где он работает?

СНИСАРЕНКО: В арбитраже.

Прокурор: А ранее он где работал?

СНИСАРЕНКО: Следователем в Ленинградской прокуратуре.

Прокурор: А как ваш отец отнесся к тому, что с вами произошло?

СНИСАРЕНКО: Вот это-то и является главной причиной моего малодушия. За день до того, как меня вызвали в КГБ, туда вызвали моего отца и провели с ним беседу, после которой мои родители потребовали, чтобы я признал все, что хотят сотрудники КГБ. Мой отец тяжело болен, поэтому я боялся за его жизнь.

ВОЛОХОНСКИЙ: Давал я тебе читать какую-нибудь литературу?

СНИСАРЕНКО: Кроме "Индийской философии", ничего не давал.

Свидетельница ПЛЕТНЕВА¹

Судья: Вы знакомы с ВОЛОХОНСКИМ?

ПЛЕТНЕВА: Конечно знакома.

Судья: Когда и где вы познакомились?

ПЛЕТНЕВА: У моего очень хорошего знакомого Владимира СКВИРСКОГО, в октябре 1978 года.

Судья: У вас в руке цветок? Уж не ВОЛОХОНСКОМУ ли?

ПЛЕТНЕВА: Это не имеет отношения к делу.

Судья: Здесь только я решаю, что имеет отношения к делу! Вы подписывали письмо в защиту СКВИРСКОГО?

ПЛЕТНЕВА: Да, подписывала.

Судья: Принимал ли ВОЛОХОНСКИЙ участие в написании и распространении писем в защиту СКВИРСКОГО?

ПЛЕТНЕВА: Мне это неизвестно.

Судья: Ставил ли ВОЛОХОНСКИЙ подпись под письмом в защиту СКВИРСКОГО?

ПЛЕТНЕВА: Не знаю.

1. Татьяна Плетнева, подписала АС №№3669:8, 3674, 3682, 3683, 3686.

Судья: Вы свободны.

ВОЛОХОНСКИЙ: Пойдите, у меня есть вопросы к свидетелю.

Что я тебе говорил о СКВИРСКОМ? Отзывался ли я о нем как о бесчестном человеке?

ПЛЕТНЕВА: Нет, никогда.

ВОЛОХОНСКИЙ: Был ли я искренен, называя СКВИРСКОГО отзывчивым и бескорыстным человеком?

ПЛЕТНЕВА: Да, я считаю, что, называя бескорыстным своего хорошего друга, ты, безусловно, был искренен.

Свидетельница ЛЕСНИЧЕНКО¹

Судья: Вы предупреждаетесь об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний по ст.ст.182, 181 УК РСФСР².

ЛЕСНИЧЕНКО: А в чем именно состоит уголовная ответственность?

Судья: У меня давно не было подобных дел. По-моему, лишение свободы сроком до двух лет³...

ЛЕСНИЧЕНКО: И за то, и за другое?

Судья: По-моему, да. А вы что, собираетесь отказываться от дачи показаний или давать ложные показания?

ЛЕСНИЧЕНКО: Нет.

Судья: С какого времени вы живете с ВОЛОХОНСКИМ?

ЛЕСНИЧЕНКО: С 1977 года.

Судья: А точнее вы не можете сказать?

ЛЕСНИЧЕНКО: Нет, я не помню.

Судья: Что вы можете сказать о ВОЛОХОНСКОМ? Какой он человек?

ЛЕСНИЧЕНКО: Я затрудняюсь сказать...

Судья: Вы затрудняетесь по личным мотивам или у вас есть другие основания?

ЛЕСНИЧЕНКО: По личным мотивам.

Судья: Потому что трудно говорить об очень близком человеке?..

ЛЕСНИЧЕНКО: Да. Ну, он человек очень отзывчивый, всегда готов помочь... /к ВОЛОХОНСКОМУ: "Ну, что еще о тебе сказать?"/.

ВОЛОХОНСКИЙ улыбается и разводит руками.

Судья: Какую роль играл ВОЛОХОНСКИЙ в организации СМОТ?

1. Наталья Лесниченко, о ней см. Хр.42:11-12, 43:35, 45:60, 48:66; подписала АС №3308, 3669:8, 3674, 3683.
2. Ст.181 - "Заведомо ложное показание", ст.182 - "Отказ или уклонение свидетеля... от дачи показаний..."
3. Ст.181 предусматривает наказание лишением свободы на срок до 7 лет, ст.182 - наказание исправит. работами на срок до 6 мес.

ЛЕСНИЧЕНКО: Мне известно, что ВОЛОХОНСКИЙ является членом СМОТ.

Судья: Откуда вам это стало известно?

ЛЕСНИЧЕНКО: По-моему, из передач западных радиостанций.

Судья: И там называлась его фамилия?

ЛЕСНИЧЕНКО: Кажется, да.

Судья: А сам ВОЛОХОНСКИЙ об этом не говорил?

ЛЕСНИЧЕНКО: Нет, он в это время был в Москве.

Судья: Ну, а когда он приехал, что он вам рассказывал о целях и задачах СМОТ? Вы же его спрашивали?

ЛЕСНИЧЕНКО: Конечно. Я его спросила об организационных принципах, и он рассказал, что каждая группа выделяет своего представителя в Совет представителей СМОТ, который координирует действия групп.

Судья: Нет, я спрашиваю не об организационных принципах, а о целях и задачах СМОТ.

ЛЕСНИЧЕНКО: А я его не спрашивала, потому что мне они и так известны. Дело в том, что идея создания свободного профсоюза существовала давно. Меня, например, существующие профсоюзы не устраивают, и я думаю, что таких людей много. Это - не первый суд над представителем свободных профсоюзов. Были и другие суды и внесудебные преследования. Все это продолжается около трех лет, а может быть, и больше - мне известно о трех.

Судья: Видели ли вы у ВОЛОХОНСКОГО литературу зарубежного издания или Самиздат?

ЛЕСНИЧЕНКО: А что такое "Самиздат"?

Судья: Ну, когда человек сам издает...

ЛЕСНИЧЕНКО: Что, типографским способом?

Судья: Не обязательно типографским. Может быть, отпечатано и на ксероксе, фотоспособом или другим способом.

ЛЕСНИЧЕНКО: Фотоспособом - видела.

Судья: Что именно?

ЛЕСНИЧЕНКО: Какую-то индийскую философию. Я не интересовалась.

Судья: Ну, а небезызвестной книги "Архипелаг ГУЛаг" СОЛЖЕНИЦЫНА вы не видели?

ЛЕСНИЧЕНКО: У ВОЛОХОНСКОГО "Архипелаг ГУЛаг" я не видела.

Судья повторяет вопрос, а ЛЕСНИЧЕНКО - ответ.

Судья: Я думаю, что не ошибусь, зачитав весь список: статьи АНИНА и КОРЖАВИНА, сборник статей САХАРОВА, "Хроника текущих событий", журналы "Посев", "Континент".

ЛЕСНИЧЕНКО: У ВОЛОХОНСКОГО я этого не видела, но некоторые из книг мне знакомы.

Судья /иронически/: ...Но некоторые из книг вам знакомы... Товарищ прокурор, у вас есть вопросы к свидетелю?

Прокурор: Нет.

Судья: У вас, подсудимый, есть вопросы?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да. Говорил ли я когда-нибудь, что СКВИРСКИЙ - вор?

ЛЕСНИЧЕНКО: Я думаю, что СКВИРСКИЙ вором быть не может.

Судья: Нас интересует не то, что вы думаете, а то, что говорил ВОЛОХОНСКИЙ.

ЛЕСНИЧЕНКО: Ничего подобного ВОЛОХОНСКИЙ не говорил.

Далее ЛЕСНИЧЕНКО говорит, что по ст.283¹ она имеет право рассказать все, что знает по делу. ЛЕСНИЧЕНКО поясняет, что свидетель ДРУЖИНИН /допрос см. ниже/ действительно брал у нее книги, перечисленные выше, но делал это без ее ведома и в отсутствие ВОЛОХОНСКОГО.

Свидетель ДРУЖИНИН.

Судья: Когда вы познакомились с ВОЛОХОНСКИМ?

ДРУЖИНИН: Года три назад.

Судья: Кто вас познакомил?

ДРУЖИНИН: Нас познакомил ПИНЕС.

Судья: Какие у вас отношения с подсудимым?

ДРУЖИНИН: Были хорошие, пока Лев не развелся с женой.

Судья: А вам-то что? Почему это вас так взволновало?

ДРУЖИНИН: Я хотел продолжать поддерживать отношения с его бывшей женой и поэтому отдалился от ВОЛОХОНСКОГО.

Судья: Что связывало вас с ВОЛОХОНСКИМ?

ДРУЖИНИН: Интерес к философии и литературе.

Судья: ВОЛОХОНСКИЙ давал вам книги антисоветского содержания?

1. Ст.283 УПК РСФСР - "Допрос свидетелей".

ДРУЖИНИН: Нет, не давал. Я сейчас все объясню.

Судья зачитывает показания ДРУЖИНИНА, данные им в 1977 году.

Судья: Это вы писали?

ДРУЖИНИН: Я сейчас все объясню.

Судья: Это вы писали?

ДРУЖИНИН: Да, я. Я дал эти показания в ходе восьмичасового допроса. Ко мне на работу приехали три сотрудника КГБ. Они посоветовали мне не обострять отношений. /В то время моя жена ждала ребенка, а отец еще не оправился от перенесенного инфаркта./

Судья /прерывает ДРУЖИНИНА/: Что ж, это говорит только о человеколюбии сотрудников КГБ, с вами беседовавших...

ДРУЖИНИН /продолжает/: Напуганный этими обстоятельствами, я написал все, что от меня требовалось - т.е. что я брал у ВОЛОХОНСКОГО статьи АНИНА, КОРЖАВИНА, 1-ый том "Архипелага ГУЛаг", статьи А.Д. САХАРОВА.

Судья: То есть вы хотите сказать, что показания вы давали под давлением, а кроме того, была нарушена законность - длительность допроса, запугивание и т.д.?

ДРУЖИНИН: Да.

Судья: Тогда почему на допросе у следователя ГРИГОРОВИЧА 15 марта 1979 года вы повторили свои показания? Если не ошибаюсь, этот допрос продолжался 35 минут - тут уж не придерешься.

ДРУЖИНИН: Следователь ГРИГОРОВИЧ просто перепечатал на машинке мои прежние показания, задавая несущественные вопросы типа "Когда вы познакомились с ВОЛОХОНСКИМ?".

Судья: Но вы ведь снова подписались под этими показаниями!

ДРУЖИНИН: Я думал, что вследствие полного совпадения с предыдущими показаниями допрос от 15 марта ничего не изменит, а меня оставят в покое.

Судья: Брали ли вы у ВОЛОХОНСКОГО вышеозначенные книги?

ДРУЖИНИН: Я сейчас все объясню. Я брал книги именно у ВОЛОХОНСКОГО, т.е. в доме ВОЛОХОНСКОГО, вернее, на квартире ЛЕСНИЧЕНКО, где тогда жил ВОЛОХОНСКИЙ.

Судья: Вы хотите сказать, что книги вам дала ЛЕСНИЧЕНКО?

ДРУЖИНИН: Нет. Я сам взял сверток с книгами с книжной полки.

Судья: Не предупредив об этом ЛЕСНИЧЕНКО?

ДРУЖИНИН: Я не предупреждал ее, надеясь вскоре вернуть книги.

Судья: Значит, вы взяли книги без спроса?

ДРУЖИНИН: Да.

Судья: Нехорошо. Но почему все-таки в предыдущих показаниях вы писали, что литературу брали у ВОЛОХОНСКОГО?

ДРУЖИНИН: "У ВОЛОХОНСКОГО" - т.е. в доме ВОЛОХОНСКОГО, а не "от ВОЛОХОНСКОГО" - не от него самого.

Судья: Знакомая история. Вы не оригинальны. ФАИНА мы тоже якобы не так поняли, а теперь вы занимаетесь грамматическими изысканиями. Итак, почему вы дали ранее ложные, по вашему утверждению, показания? Смалодушничили?

ДРУЖИНИН: Да, смалодушничал.

Судья: А почему, дав показания на бывшего друга, вы даже не удосужились сообщить ему об этом?

ДРУЖИНИН: А я подписочку давал...

Судья: Какую подписочку?

ДРУЖИНИН: О неразглашении...

Судья: Вы так чтите законы? Почему же тогда статья УПК об ответственности за дачу ложных показаний не возымела на вас аналогичного воздействия? Смалодушничили? Испугались?

ДРУЖИНИН: Да, смалодушничал, а сейчас нашел в себе силы сказать правду.

Судья: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Прокурор: С кем вы встречались в промежуток между дачей последних показаний и судом?

ДРУЖИНИН: С бывшей женой ВОЛОХОНСКОГО, Надеждой ВИЛЬКО.

Судья: У кого еще есть вопросы к свидетелю?

ВОЛОХОНСКИЙ: У меня. Андрей, накануне твоей первой беседы я был у тебя в гостях. Как ты себя чувствовал наутро?

ДРУЖИНИН: Плохо. Как может чувствовать себя человек, выпивший две бутылки вина?

ВОЛОХОНСКИЙ: Прошу суд засвидетельствовать, что первые показания были даны ДРУЖИНИНЫМ с похмелья.

После допроса свидетеля ДРУЖИНИНА судья ЯКОВЛЕВ заявляет, что первый день судебного заседания закончен.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

12 июня судебное заседание начинается допросом свидетельницы НОВОДВОРСКОЙ.

Судья: Скажите, вам знаком подсудимый ВОЛОХОНСКИЙ Лев Яковлевич?

НОВОДВОРСКАЯ¹: Знаком. Это - мой друг.

Согласно ст.283 УПК я имею право показать все, что мне известно по данному делу.

Судья: Ну, показывайте, что вам известно по данному делу.

НОВОДВОРСКАЯ: Я знаю Льва ВОЛОХОНСКОГО как человека безупречной нравственности, благородного, образованного, гуманного, неспособного совершить подлость. Я считаю его настоящим человеком и настоящим гражданином, единственной жизненной целью которого является благо народа. Поэтому меня не удивило, что Лев ВОЛОХОНСКИЙ вошел в Совет представителей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. Будучи таким же членом СП СМОТ, как и Лев ВОЛОХОНСКИЙ, и неся такую же ответственность за все документы и деятельность СМОТ, я могу показать, что СМОТ является легальной профсоюзной организацией, деятельность которой известна Верховному Совету СССР, советским трудящимся и...

Судья: Вынужден вас прервать. Это все - отвлеченные вопросы, давайте вернемся к ВОЛОХОНСКОМУ.

НОВОДВОРСКАЯ: Ну что ж, вернемся.

Судья: Какие документы по делу вам предъявляли на предварительном следствии?

НОВОДВОРСКАЯ: Мне предъявляли документы СМОТ и письмо в защиту СКВИРСКОГО во многих вариантах.

Судья: Что вам известно об участии ВОЛОХОНСКОГО в составлении этих документов?

НОВОДВОРСКАЯ: Ничего не известно. Как член СП СМОТ, Лев ВОЛОХОНСКИЙ подписывал документы СМОТ. О его участии в их составлении я ничего не знаю. Вот если вас интересует мое участие, на этот вопрос я ответить смогу.

Судья: Нет-нет! Нас интересует ВОЛОХОНСКИЙ.

НОВОДВОРСКАЯ: Раз ВОЛОХОНСКИЙ, то я повторяю: мне ничего не
1. В получ.копии слово "Новодворская" пропущено.

известно об участии Льва ВОЛОХОНСКОГО в составлении этих документов. Что же до писем в защиту СКВИРСКОГО, то мне предъявляли многие варианты, я знаю содержание всех вариантов, подписывала один из вариантов, но согласна со всеми. Что касается ВОЛОХОНСКОГО, то мне не известно ничего об его участии в составлении этого письма. Я даже не знаю, подписывал ли он его. Я все подписи не читала. Я думаю, что свет на этот факт может пролить сам ВОЛОХОНСКИЙ. Лично я могу засвидетельствовать только свою подпись.

Судья: А почему в одном документе ваша подпись проставлена не от руки, а в машинописи?

НОВОДВОРСКАЯ: Это не фальшивка, это действительно моя подпись.

Судья: А при каких обстоятельствах вы подписывали это письмо? Кто вам его предлагал для подписи? От кого вы его получали?

НОВОДВОРСКАЯ: Мне не было необходимости от кого-либо его получать. Я участвовала в его составлении и тут же его подписала.

Судья: Значит, вы писали его и потом подписали?

НОВОДВОРСКАЯ: Именно так.

Судья: Все ясно. Собирал ли ВОЛОХОНСКИЙ подписи под письмом в защиту СКВИРСКОГО? Имеете информацию на этот счет?

НОВОДВОРСКАЯ: Имею информацию, что не собирал.

Судья: Откуда вам это известно?

НОВОДВОРСКАЯ: Из обстоятельств, от окружения. ВОЛОХОНСКИЙ - мой друг. Если бы он собирал подписи, я бы об этом знала.

Судья: Поделился бы?

НОВОДВОРСКАЯ: Несомненно.

Судья: А кто тогда собирал?

НОВОДВОРСКАЯ: Этого я не знаю. Меня не интересовали технические детали.

Судья: Документы СМОТ, которые вам предъявляли на предварительном следствии, являются окончательным вариантом? Или это - черновики, сырой материал? То же самое меня интересует по письму в защиту СКВИРСКОГО.

НОВОДВОРСКАЯ: Мне не известно, какой из вариантов в защиту СКВИРСКОГО вменяется в вину Льву ВОЛОХОНСКОМУ. Что же до документов СМОТ, то СМОТ ничего не скрывает и действует совершенно легаль-

но. Деятельность его укладывается в рамки Советской Конституции и в рамки Пакта об экономических, социальных и культурных правах, ратифицированного нашим государством. Деятельность СМОТ одобряется советскими трудящимися и многими зарубежными профсоюзами, в частности английским, французским, швейцарским, которые прислали приветствия Льву ВОЛОХОНСКОМУ. Не говоря уж о Международной конфедерации свободных профсоюзов, которая прислала приветствия СМОТ и лично Льву ВОЛОХОНСКОМУ. Кроме того, вышеупомянутые профсоюзы и Международная конфедерация свободных профсоюзов послали телеграммы протеста лично Л.И. БРЕЖНЕВУ¹.

Судья: А по какому поводу они все это прислали?

НОВОДВОРСКАЯ: В связи со слушанием данного дела.

ВОЛОХОНСКИЙ: Скажи, тебе предъявляли среди документов письмо в твою защиту?

НОВОДВОРСКАЯ: Нет. Только в защиту СКВИРСКОГО.

ВОЛОХОНСКИЙ /судье/: Тогда почему оно числится в обвинительном заключении?

Судья: Оно просто там упомянуто.

После допроса НОВОДВОРСКОЙ оглашается заключение почерковедческой экспертизы. Некоторые из данных на экспертизу документов признаются написанными ВОЛОХОНСКИМ.

Далее судья выясняет причины неявки свидетеля САМОЙЛОВА. Таковой причины не находится. Судья поясняет, что вызванный ВОЛОХОНСКИМ свидетель СКВИРСКИЙ В.И., находящийся в московской Бутырской тюрьме, не доставлен на суд из-за "сложностей переезда". Причину отсутствия на суде Марка МОРОЗОВА, чьи показания присутствуют в деле, судья объяснить просто не может /тут уж не сошлешься на трудности, связанные с переездом, - МОРОЗОВ содержится последнее время в тех же "Крестах"/.

Судья задает еще несколько вопросов ВОЛОХОНСКОМУ.

Судья: Почему вы все-таки ушли из университета, не защитив диплом?

ВОЛОХОНСКИЙ: Мне не хотелось сдавать экзамен по военной кафедре, но это не было решающим мотивом. Мне не хотелось служить

1. Об этом см. АП и Рейтер, 10.6.79.

в армии, действительную службу я уже прошел, долг выполнил.

Судья: Такая возможность была реальной?

ВОЛОХОНСКИЙ: Да, вполне. Многие мои однокурсники попали в армию.

Далее следуют вопросы судьи о показаниях СКВИРСКОГО.

ВОЛОХОНСКИЙ: Показания СКВИРСКОГО только обо мне.

Судья: Они весьма уклончивы.

ВОЛОХОНСКИЙ: Ну, да. Там говорится только о том, что он не находился в интимных отношениях с ЛЕСНИЧЕНКО. По остальным вопросам он отказался говорить. /.../ В первый день суда я это недостаточно четко пояснил, так как был в несколько сонном состоянии.

Судья: Какие мотивы были считать дело СКВИРСКОГО сфабрикованным?

ВОЛОХОНСКИЙ: В прошлый раз я это упустил, вернее, отложил на сегодня... СКВИРСКИЙ не раз вступал в контакты с КГБ как человек, занимающийся профсоюзной и правозащитной деятельностью.

Судья: Это порочит государство, порочит его органы. /Очевидно, о тексте письма в защиту СКВИРСКОГО./

ВОЛОХОНСКИЙ говорит о возможности существования судебных ошибок, не говоря уж об ошибках следственных органов, о том, что он читал Бюллетень Верховного Суда, в котором таких - полным-полно, что потому, собственно, и существует институт кассации.

Далее судья зачитывает характеристики, выданные ВОЛОХОНСКОМУ в разное время различными учреждениями:

Характеристика, выданная колхозом им.Свердлова Смоленской области:

ВОЛОХОНСКИЙ Л.Я. работал с октября по ноябрь на строительстве станции биологической очистки. Нарушений трудовой дисциплины не было. Общественные места посещал редко. /Смех в зале./

ВОЛОХОНСКИЙ /смущенно разводя руками/: Я в клуб редко ходил..

Характеристика из Ленинградского университета содержит перечисление дат поступления ВОЛОХОНСКОГО, ухода его и возвращения из Советской армии. Отчислен с 5 курса за академическую задолженность.

Справка с места жительства: за время проживания нарушений общественного порядка не было. Жалоб от жильцов не поступало.

Судья ЯКОВЛЕВ переходит к следующей группе вопросов.

Судья: ВОЛОХОНСКИЙ, что вам известно о листе №... настоящего дела, т.е. о "справке", "выданной" ПЛЕТНЕВОЙ Т.?

ВОЛОХОНСКИЙ: Это не документ.

Судья: Все, что подшито к делу, является документом.

ВОЛОХОНСКИЙ: Я повторяю, это шутка. Очевидно, речь идет о бумажке, вытащенной сотрудниками КГБ из помойного ведра на квартире М.МОРОЗОВА.

Судья: Зачем вы его писали?

ВОЛОХОНСКИЙ: Я же сказал, что это - шутка.

Судья: У вас было шутливое настроение?

ВОЛОХОНСКИЙ: У меня оно почти всегда шутливое.

Судья: Но оформление этого документа - это же оскорбление органов государственной безопасности!..

ВОЛОХОНСКИЙ: Что вы имеете в виду?

Судья: Я имею в виду печать, нарисованную от руки на этом листке.

ВОЛОХОНСКИЙ: На печати были рисунок и надпись. Что вас интересует?

Судья /несколько смутившись/: Надпись.

ВОЛОХОНСКИЙ: Там написано: "КГБ - хрен тебе".

Судья: Что это значит?

ВОЛОХОНСКИЙ: Это - просто заклинание от телефонного беса. Если у вас - по неизвестной вам причине - плохо работает телефон, надо три раза произнести: "КГБ - хрен тебе, КГБ - хрен..."

Судья: Хватит, хватит!

ВОЛОХОНСКИЙ /договаривает/: "...тебе, КГБ - хрен тебе..."
Конечно, я в это не верю, но есть такая шутка, может быть, несколько глуповатая...

Далее следует обвинительная речь. Воспроизведена она здесь крайне неточно - из всех опрошенных вспомнить ее смогли лишь немногие - столь путана и бессодержательна она была.

ОПИСАНИЕ РЕЧИ ПРОКУРОРА

"Дело это - очень редкое и необычное для нашего времени", - начинает прокурор. Далее он переходит к рассказу о том, что Советская Конституция - лучшая в мире, что Советский Союз небывалыми темпами идет к победе коммунизма, что у нас - небывалые успехи в сельском хозяйстве, промышленности и "космосе" /не "в покорении" и не "в освоении", а именно в космосе/. И вот находятся такие отщепенцы и антисоветчики, как ВОЛОХОНСКИЙ, которые всех вышеозначенных успехов не видят. ВОЛОХОНСКИЙ, - говорит далее прокурор, - ничего не пережил вместе со страной, так как родился он в 1945 году, и не знал никаких трудностей. В характеристиках, данных колхозом имени Свердлова¹, говорится, что к работе ВОЛОХОНСКИЙ относился пренебрежительно. И такой-то человек, - восклицает прокурор, - осмеливается критиковать наш советский правопорядок!

Прокурор утверждает, что показания, данные свидетелями на суде, - неискренни и даны с единственной целью - "облégчить участь ВОЛОХОНСКОГО" /именно облégчить, а не облегчítть/. А что касается СНИСАРЕНКО, то его место - на скамье подсудимых, рядом с ВОЛОХОНСКИМ. Разделавшись таким образом с неугодными суду свидетелями, прокурор переходит к следующим пунктам обвинения.

Вина ВОЛОХОНСКОГО доказана, - считает он. Документы СМОТ ВОЛОХОНСКИЙ составлял и распространял. Письма в защиту В.СКВИРСКОГО - составлял и распространял. Далее прокурор долго распространялся о том, что КГБ - организация, сотрудники которой с опасностью для жизни /так и хотелось спросить - чьей?/ охраняют не только государство, но и наш покой, и следует сажать на скамью подсудимых за подобные шутки в их адрес /см. предыдущую страницу/.

Обвинение в распространении заведомо ложных клеветнических измышлений в устной форме прокурор снял, т.к. ВОЛОХОНСКИЙ всего единожды утверждал, что в СССР не обеспечены демократические свободы.

Речь прокурора содержала в себе некоторые курьезы. Так, он обвинил составителей документов СМОТ в преувеличенном самомнении и безграмотности на том основании, что в одном из документов СМОТ

1. В получ.копии вероятно опечатка; на с.26 говорится об одной характеристике, выданной этим колхозом.

вместо "национальный" было напечатано слово "неациональный". И хотя он, прокурор, допускает, что это может быть опечаткой, но документ составляли все равно безграмотные люди. Фамилии подсудимого и СКВИРСКОГО перепутывались в речи прокурора с неким ВИШНЕВСКИМ, на улице имени которого ВОЛОХОНСКИЙ одно время проживал. Журнал "Континент" прокурор упорно называл "Континенталем", видимо, стараясь доказать, что он не только не читал подобного, но и никогда этого названия не слышал.

В заключении своей речи прокурор потребовал приговорить ВОЛОХОНСКОГО к 2 годам 6 месяцам лагерей общего режима.

Перед речью прокурора судья предупредил находившихся в зале о недопустимости реплик и смеха во время речи прокурора и заявил, что ослушавшиеся будут удалены из зала. Когда прокурор дошел до "небывалых успехов в сельском хозяйстве", один из присутствовавших в зале вышел со словами "Я лучше сам уйду".

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

Я уже говорил и повторяю, что виновным я себя не признаю, что в действиях моих нет состава преступления. И защитительную речь буду, уж простите, строить по принципу: во-первых, кастрюля не твоя, во-вторых, ты мне ее не давала, а в-третьих, она и была с дыркой.

Обвинение можно разделить на три пункта: распространение книг "антисоветского" содержания, составление документов СМОТ, письма в защиту СКВИРСКОГО.

Во-первых, я этих книг никому не передавал. Единственное, что было установлено на суде - это то, что я всем давал читать "Индийскую философию" РАДХАКРИШНАНА. Это - единственное, что бесспорно доказано.

В показаниях свидетелей относительно передачи им мною прочих книг существуют разногласия. Одни меняли свои показания по 2, другие - по 3 раза, т.е. сообщали разные факты на допросах в КГБ, в прокуратуре и на суде. Среди свидетелей есть и плохие, и хоро-

шие люди. Но веры их показаниям, по-моему, не должно быть никакой - ни первым, ни вторым, ни третьим. Я же с самого начала говорю одно - книг я не давал.

Что касается свидетеля ДРУЖИНИНА, то это подтверждается не только его показаниями, но и показаниями свидетеля ЛЕСНИЧЕНКО. Рассмотрим показания свидетелей СНИСАРЕНКО и ФАИНА. Список книг, которые СНИСАРЕНКО давал ФАИНУ /по показаниям ФАИНА/, и список книг в продиктованном СНИСАРЕНКО в КГБ заявлении - совершенно расходятся. Общий там только "Архипелаг ГУЛаг" ./../ Сделано нечисто.

Кроме этого я хочу сказать, что книги людям я давал, и если у меня опять будут книги...

...Согласно международным конвенциям, которые, кстати сказать, подписывал не я, а представители партии и правительства, я имею право распространять какую угодно информацию, - это относится и к передаче заявлений иностранным корреспондентам.

Тем не менее в УК РСФСР имеются две статьи, ограничивающие вышеуказанные документы. УК не приведен в соответствие с Конституцией - это заявляю не я, это говорил БРЕЖНЕВ. И БРЕЖНЕВ обещал привести УК в соответствие с Конституцией к 1984 году. Являясь хорошим гражданином и исправным налогоплательщиком, я прекрасно понимаю, что должен исполнять закон вне зависимости, соответствует ли он Конституции...

...Мне не известен закон, какой-нибудь нормативный акт, в котором приводился бы перечень "антисоветской" литературы. Есть лишь инструкция о приеме в магазины старой книги тех или иных книг. Но и эта инструкция нигде не опубликована.

Я - не юрист, а простой рабочий /смех среди студентов юрфака/, и прошу поправить меня, если я буду ссылаться на несуществующие законы.

В Конституции подчеркнута руководящая роль КПСС. Мне в силу традиций КПСС хочется процитировать ЛЕНИНА: "Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество". Следовательно, какую бы книгу я ни давал читать, я помогаю человеку стать настоящим

коммунистом. Вне зависимости от моих субъективных намерений, естественно.

Судья /перебивает/: Ну, это уже софистика.

Что касается инкриминируемых мне документов СМОТ и чернови-ков писем в защиту СКВИРСКОГО, то я буду говорить и о том, и о другом вместе. Предварительно хочу отметить показания свидетеля САМОЙЛОВА. Хотя к делу они, в общем-то, отношения не имеют, но там содержатся странные вещи: "В квартире М.МОРОЗОВА ВОЛОХОНСКИЙ печатал черновики "Обращения СМОТ" и писем в защиту СКВИРСКОГО", и далее указано точное время. Я действительно там находился и действительно печатал на машинке, но печатал вещи, не имеющие отношения к СМОТ, а свои собственные материалы. САМОЙЛОВА там не было, и он сам так говорит, что его там не было. Показания ланы, очевидно, либо на основе оккультных данных, либо наблюдения снаружи.

Судья /перебивая/: Что значит - "наружное наблюдение"?

ВОЛОХОНСКИЙ: Ну, например, путем наблюдения через замочную скважину...

Далее ВОЛОХОНСКИЙ говорит о том, что клевета в соответствии со ст.190-1 должна быть заведомой. Т.е. "даже если бы я ошибался, - а я уверен в том, что я не ошибаюсь, - то вам необходимо доказать, для предъявления мне обвинения в з а в е д о м о ложных измышлениях, что в данных документах я был неискренен.

Таким образом, я считаю обвинение по всем трем пунктам несостоятельным. Состав преступления нет".

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Судья: Подсудимый, ваше последнее слово?

ВОЛОХОНСКИЙ /молчит, пожимает плечами/: А что, собственно, я должен сказать?

Судья: Ну, может быть, у вас есть какие-нибудь просьбы к суду?..

ВОЛОХОНСКИЙ: Я считаю обвинение несостоятельным, не сомневаюсь,

что меня оправдают, поэтому никаких просьб к суду не имею.

Суд удаляется на совещание. Через час объявляется приговор.

ПРИГОВОР

ВОЛОХОНСКИЙ Лев Яковлевич виновен в распространении литературы антисоветского содержания:

В конце 75 - начале 76 года он передавал Ю.ЛЕВИТАНУ главы из книги СОЛЖЕНИЦЫНА "Архипелаг ГУЛаг", в 1977 году - передавал ДРУЖИНИНУ фотокопии глав из "Архипелага ГУЛаг", а также статьи АНИНА и КОРЖАВИНА, журнал "Континент" и книгу А.Д. САХАРОВА "В борьбе за мир и демократию"; в 1978 году передавал СНИСАРЕНКО 2 выпуска "Хроники текущих событий", журналы "Посев" и "Континент". Все свидетели /ДРУЖИНИН, ФАИН, СНИСАРЕНКО, ЛЕВИТАН, ЛЕСНИЧЕНКО/ давали ложные показания с целью облегчения участи ВОЛОХОНСКОГО.

Свидетельница НОВОДВОРСКАЯ подтвердила, что вариант письма в защиту СКВИРСКОГО окончательный /?!/, и что она участвовала в составлении документов СМОТ и письма в защиту СКВИРСКОГО.

ВОЛОХОНСКИЙ принимал участие в составлении писем в защиту СКВИРСКОГО и документов СМОТ, содержащих сведения, порочащие советский общественный и государственный строй, а также в передаче информации о создании СМОТ иностранным корреспондентам.

Снято обвинение в распространении писем в защиту СКВИРСКОГО; снято обвинение в распространении информации, порочащей советский строй в устной форме - за отсутствием систематичности.

В приговоре подчеркнуто, что свидетель СНИСАРЕНКО изменил свои показания не только для того, чтобы облегчить участь ВОЛОХОНСКОГО, но и чтобы избежать ответственности самому.

Учитывая первую судимость и нахождение на иждивении ВОЛОХОНСКОГО 4-месячного ребенка, суд приговорил ВОЛОХОНСКОГО К ДВУМ ГОДАМ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В ЛАГЕРЯХ ОБЩЕГО РЕЖИМА.

Кроме этого, в приговоре было сказано о необходимости уничтожения всех изъятых книг антисоветского содержания.¹

1. Л.Волохонский отбывает наказание в лен. тюрьме "Кресты", работая кочегаром (см. ИБ, ред. К.Любарский, 1979, №17:7).

Согл. ст.16 ИТК РСФСР "в исключительных случаях лица, впервые осужденные к лишению свободы за преступления, не являющиеся тяжкими, которым отбывание наказания назначено в ИТК общ. реж., могут быть с их согласия оставлены в след. изоляторе или в тюрьме для работы по хоз. обслуживанию".

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ

Нельзя не отметить, что в ходе судебного разбирательства СМОТ ни разу не был назван ни "антисоветской", ни "так называемой" организацией - т.е. можно считать, что СМОТ признан судом "де факто", хотя это, очевидно, и не входило в намерения суда.

Вопрос об участии ВОЛОХОНСКОГО в создании и работе СМОТ несколько раз возникал в течение судебного заседания /допрос ВОЛОХОНСКОГО, допрос НОВОДВОРСКОЙ/. Ясно, что ВОЛОХОНСКОГО судят именно как одного из членов Совета представителей СМОТ. Нельзя не вспомнить фабрикацию уголовного дела члену СП СМОТ В.СКВИРСКОМУ и насильственную госпитализацию члена СП СМОТ В.НОВОДВОРСКОЙ. Не обязательно перечисленные в обвинительном заключении члены СП СМОТ, на которых следствие считает необходимым выделить уголовные дела, будут преследоваться по ст.190-1 УК РСФСР. В отношении их можно ожидать и новых, чисто уголовных преследований, и преследований внесудебных.

Впервые книга А.Д. САХАРОВА "В борьбе за мир и демократию" была признана /без проведения соответствующей "экспертизы"/ "антисоветской" и "клеветнической"; все прочие изъяты на следствии книги суд постановил уничтожить.

Суд даже не пытался доказывать, что информация, содержащаяся в документах в защиту СКВИРСКОГО и в документах СМОТ, является "заведомо ложной и клеветнической", а просто счел ее таковой.

Судом не приняты во внимание отказы свидетелей /СНИСАРЕНКО, ФАИН, ДРУЖИНИН, ЛЕВИТАН/ от данных ими во время следствия показаний. При этом от внимания суда почему-то ускользнули следующие обстоятельства: показания ДРУЖИНИНА и СНИСАРЕНКО были вытянуты у них сотрудниками КГБ с помощью угроз и шантажа; свидетель ЛЕВИТАН, как выяснилось на следствии, кроме того, ^{еще} питает личную неприязнь к ВОЛОХОНСКОМУ. Вспомним защитительную речь ВОЛОХОНСКОГО: "... одни меняли свои показания по два, другие - по три раза... Я же с самого начала говорю одно: книг я не давал". Суд же, естественно, из всех свидетельских показаний выбрал наиболее его устраивающие,

направленные против подсудимого показания.

Судья ЯКОВЛЕВ вел себя, мягко говоря, некорректно по отношению к свидетелям: почему-то раздражавшее его лицо свидетеля СНИСАРЕНКО он назвал дебильным /уж не потому ли, что последний отказался от предыдущих показаний?/; чуть ли не напрямик назвал свидетеля ДРУЖИНИНА трусом; угрожал тому же СНИСАРЕНКО. Прокурор в обвинительной речи повторил угрозу в адрес СНИСАРЕНКО, заявив, что место последнего - на скамье подсудимых рядом с ВОЛОХОНСКИМ.

Для того чтобы дать представление об общей атмосфере этого процесса, необходимо отметить весьма экстравагантное поведение группы людей в штатском. Находясь около зала суда, эти люди пытались всячески воспрепятствовать проникновению в зал друзей ВОЛОХОНСКОГО, хотя формально суд считался открытым.

8 июня английские, французские, швейцарские профсоюзы и Международная конфедерация свободных профсоюзов прислали приветствия СМОТ и лично Льву ВОЛОХОНСКОМУ. Кроме того, вышеупомянутые профсоюзы и Международная конфедерация свободных профсоюзов послали телеграммы протеста на имя Л.И. БРЕЖНЕВА.

СОДЕРЖАНИЕ¹

	<u>стр.</u>
<u>Первый день, 8 июня</u>	
Открытие судебного заседания.	1
Обвинительное заключение.	2
Допрос Л.ВОЛОХОНСКОГО	3
Допрос свидетелей	
Ю.ЛЕВИТАН	9
ФАИН.	12
А.СНИСАРЕНКО.	13
Т.ПЛЕТНЕВА.	16
Н.ЛЕСНИЧЕНКО.	17
А.ДРУЖИНИН.	19
<u>Второй день, 12 июня</u>	
Допрос свидетеля В.НОВОДВОРСКОЙ	23
Продолжение допроса Л.ВОЛОХОНСКОГО.	25
Речь прокурора.	28
Л.ВОЛОХОНСКИЙ. Защитительная речь.	29
Л.ВОЛОХОНСКИЙ. Последнее слово	31
Приговор.	32
Краткие комментарии	33

1. Составлено нами - ред. АС.

АС №3721. Семен Липкин, поэт, участник альманаха "Метрополь". "Открытое письмо" секретарям Союза писателей СССР и другим, вкл. биографические сведения об авторе (Москва, июнь или июль 1979).⁺¹

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Секретарям Союза писателей СССР

Секретарям Союза писателей РСФСР

Секретарям Московской писательской организации

Членам редакционной коллегии "Литературной газеты"

Членам редакционной коллегии "Литературной России"

Членам редакционной коллегии "Московского литератора"

Глубокоуважаемые товарищи!

Видные писатели и сотрудники аппарата, выполняя порученное им задание, проводили со мной долгие беседы об альманахе "Метрополь"². Я не мог им ответить с достаточной обстоятельностью, так как, не будучи составителем "Метрополя", был знаком только с некоторыми работами альманаха. Из "Московского литератора" я сперва узнал, что произведения четырех писателей, мои в том числе, служат фиговыми листками, прикрывающими литературный срам³, а затем та же газета опубликовала подборку отрицательных об альманахе отзывов почти тридцати членов союза писателей⁴. Работая в советской литературе пятьдесят лет, я, конечно, научился разбираться в механизме такого рода подборок, но меня смущало то, что среди осудителей было несколько людей одаренных. Мое смущение усугублялось тем, что не все участники альманаха были мне близки, как художники. Во мне поселилась тревога.

Но вот последовали дни и недели, в течение которых кое-кто из осудителей стал заявлять знакомым и составителям устно, а один письменно, что их отзывы газетой искажены, что не нравятся

⁺Перепечатка с фотоконии оригинала из АС.

1. О тексте см. АФП, 2.8.79.

2. Опубликован в США в 1979 (Анн Арбор, Мичиган, изд. "Ардис").

3. В ст. Ф.Кузнецова в номере газеты от 9.2.79 (о ст. см. Рейтер, 14.2.79; неполный перевод на англ.яз. см. в журн. "Soviet Literature", 1979, №5:159-162).

4. В номере газеты от 23.2.79 (об этом см. "Лит.газ.", 16.5.79, №20:2; перевод на англ.яз. в сокращ.виде см. в журн. "Soviet Literature", 1979, №5:162-171).

отдельные произведения, а в целом альманах хороший или даже очень хороший. Наконец, я прочел весь альманах и, положив руку на сердце, могу теперь сказать: альманах действительно очень хороший.

Может быть мне, как участнику альманаха, или, лучше того, как рядовому члену союза писателей, не пристало высказывать свои суждения руководителям союза, но отвечу я, во-первых, мои настойчивые собеседники требовали от меня, чтобы я высказался, а во-вторых, некоторую надежду придает мне то, что к моему мнению, не всегда с ним соглашаясь, прислушивались МАНДЕЛЬШТАМ и АХМАТОВА, Василий ГРОССМАН и ПЛАТОНОВ. А вдруг прислушаетесь и вы?

В альманахе есть то, что ШЕКСПИР называл "образом и давлением времени". Огромное художественное наслаждение доставили мне рассказы молодого писателя Евгения ПОПОВА, который вошел в литературу, напутствуемый Василием ШУКШИНЫМ. Ткань этих сибирских рассказов насыщена прочными, яркими красками, из слов рождаются не заводные куклы, а люди, тепловая энергия жизни. В отличие от несравненного ЗОЩЕНКО, который своих героев не любил /ПОПОВ, как и ЗОЩЕНКО, продолжает линию сказа/, молодой писатель любит своих незадачливых героев, а известно, что искусство возникает тогда, когда сочувствие к людям сочетается с артистизмом чувства.

Мне думается, что Фридрих ГОРЕНШТЕЙН /имя мне доселе незнакомое/ - серьезный писатель. Его Юрий Дмитриевич, Зина, слепорожденный Аким Борисыч, считающий себя выше и счастливее ослепших, - это характеры "капитальные", как любил выражаться ДОСТОВЕВСКИЙ, характеры, обнаруженные автором "Ступеней". Учительский дух нашей отечественной литературы стал источником ее бессмертия, и Фридрих ГОРЕНШТЕЙН мучительно-страстно развивает проповедническую сущность русской художественной мысли.

Петр КОЖЕВНИКОВ - еще одно новое имя - самый молодой из авторов "Метрополя". Перо его не окрепло, воображение только разгорается, но это тот огонь, чей обжиг превращает пишущего в поэта, занятого поиском правды и ее воссозданием. Стремление подростков из замшелых развалин бездуховности вырваться к воле, одухотворенной любовью, возвышает и нас, читателей.

Тридцатилетний Виктор ЕРОФЕЕВ обратил на себя мое внимание исследованиями, посвященными необычной личности де САДА¹, трудам Льва ШЕСТОВА². В "Метрополе" опубликованы три его рассказа. Первые два я не отнес бы к его удачам, но третий рассказ, "Трехглавое детище", принадлежит к лучшим произведениям альманаха. Мастерски нарисованы престижный дачный поселок, сотрудники и коридоры института, страшная гибель Наденьки и не менее страшная гибель души Игоря. ВЯЗЕМСКИЙ как-то сказал о Василии Львовиче, о дяде ПУШКИНА, что этот пожилой поэт годится отроку Александру в племянники. Я знаю иных литературных дядей, которые годятся в племянники Виктору ЕРОФЕЕВУ.

Евгения ПОПОВА и Виктора ЕРОФЕЕВА исключили из союза писателей, прибегнув к маскировочной формулировке, - мол, приняли их раньше неправильно, книг у них нет, одни журнальные публикации. Но разве устав союза не растолковывает ясно, что в союз принимаются писатели и на основании журнальных публикаций? У нас часто ссылаются на горьковские традиции в работе союза писателей. Меня в союз приняла комиссия, возглавленная ГОРЬКИМ, когда число моих лет равнялось двадцати двум, а число моих стихотворений, опубликованных в журналах, не достигало и этой цифры, ни одной книги я не успел выпустить. В то же время в приеме в союз было отказано почтенному писателю, издавшему собрание сочинений. Традиция существует тогда, когда ей следуют, а не тогда, когда ее декларируют.

Конечно, сподручнее руководить пишущими, похожими друг на друга, как узоры на обоях. Но союз писателей по самому своему замыслу должен быть союзом неповторимых. Наш трудный, долгий опыт показал и доказал, что исключение из союза не есть исключение из русской литературы. Один из осудителей альманаха подкрепляет свои инвективы цитатой из ПАСТЕРНАКА, а сам, небось, голосовал за исключение великого поэта из союза. Поговаривают, что изгнание двух молодых писателей из нашей среды есть инициатива главы московских литераторов Феликса КУЗНЕЦОВА. Я с ним не знаком, но когда я обдумываю его речи и действия, у меня складывается впечатление, что человек он малосильный, растерявшийся, который хочет казаться волевым и жестоким. Что же, казаться

1. В ст. "Метаморфоза одной лит. репутации" ("Вопросы лит.", 1973, №6).

2. В ст. "Остается одно: произвол" (там же, 1975, №10).

жестоким легче, чем быть рассудительным.

Я хорошо понимаю, что руководить творческой организацией не просто, работы невпроворот, мероприятие набежало на мероприятие, и все же нельзя при этом ни на миг забывать о том, что нам досталась в наследство могучая литература, что у каждого из нас так мало вероятных возможностей в ней остаться, и поэтому вряд ли разумно отсекал надежные молодые таланты. На тех авторов "Метрополя", которые постарше, укоренились попрочнее, обрушился обвал экономических санкций, у всех /за одним-двумя, кажется, исключениями, впрочем, легко объяснимыми/ задержаны набранные или сданные в типографии книги, рассказы, стихи, переводы, пьесы, принятые театрами, осуществленные киносценарии, а двух молодых, менее защищенных, выгоняют вдобавок из союза, хотя тот же Феликс КУЗНЕЦОВ провозгласил *ubi et orbi*, что никто не будет подвергнут репрессиям. Совесть не позволит мне оставаться в союзе и пользоваться его благами, если вы в ближайшее время не исправите свою ошибку и не восстановите в союзе двух, не по уставу исключенных¹.

Полагаю, что я должен сказать несколько слов о тех, что в литературе постарше.

Загадочная вещь - манера письма. Ничто так не привлекает современников, как новая, острая манера письма, и ничто не устаревае так быстро, как манера письма, существующая вне содержания. Я слышал от собратьев по перу, что манера письма Беллы АХМАДУЛИНОЙ мешает им при чтении ее рассказа "Много собак и собачка". Но если преодолешь эту преграду, то почувствуешь в прозе знаменитой поэтессы истинную боль, боль без которой не рождается искусство. Вот и прочтен рассказ, заканчивающийся вопросительным знаком, а нашу мысль продолжают волновать и Шеллапутов - новый, бесприютный Сван, и фантомная фигура безукоризненного Пыркина, "человека никакого, опасного человека".

"Похороны доктора" Андрея БИТОВА - вещь, которой суждена долгая жизнь. Портрет женщины-врача рисуется на наших глазах в день ее смерти, но в этом, как будто бегло нарисованном портрете - вся ее жизнь, ее прошлое, ее близкие. Многие строки рас-

1. С. Липкин также подписал письмо 6-и писателей Союзу писателей СССР с тем же требованием (см. К. Уитни, "Нью-Йорк таймс", 2.6.79, и ЮПИ, 2.6.79).

сказа хочется прочесть вслух, как стихи.

Влиятельное лицо – Римма КОЗАКОВА, – утверждая приверженность к целомудренной любви, обвиняет альманах в сексопатологии. Возможно, ее задело название рассказа Фазиля ИСКАНДЕРА "Маленький гигант большого секса", рассказа очень смешного и очень грустного. Что касается секса, то он есть только в ироническом названии. Фотограф Марат охотно хвастается своими галантными похождениями. Делает он это довольно ловко, так что читателю приходится самому решать, – фантазирует Марат или говорит правду. Но когда уличный курортный фотограф рассказывает о своей встрече с одной из наложниц Лаврентия БЕРИЯ, – ни ему, ни нам уже не до шуток. Фазиль ИСКАНДЕР – один из самых популярных советских писателей, и какое счастье, что его популярность сопрягается с тонким, благородным вкусом, с многосодержательностью. Русские читатели с гоголевских или, пожалуй, с фонвизинских времен привыкли к смеху сквозь невидимые миру слезы. Природа смеха ИСКАНДЕРА несколько иная. Это смех кавказцев, победоносный смех людей, которые работают весело, а веселятся торжественно, живут трудно, а умирают легко.

Когда появился "Звездный билет" Василия АКСЕНОВА, Анна Андреевна АХМАТОВА мне сказала: "Талантливо! Это заговорило новое поколение, – уже не дети, даже не внуки, а правнуки". И радостно добавила: "Половину слов я не понимаю". А АХМАТОВА редко кого хвалила, она принимала далеко не всех литературных ровесников АКСЕНОВА. Как же могло случиться, что один из известнейших писателей, автор таких шедевров, как "На полпути к луне" или "Дикой", не мог на протяжении одиннадцати лет пристроить "Четыре темперамента", пьесу с точки зрения цензуры безобидную?
Произведение экспериментальное, /что без этой пьесы личность АКСЕНОВА не может существовать, как не существует в нашем сознании Леонид АНДРЕЕВ, автор реалистических "Жили-были" или "Дни нашей жизни", без "Жизни человека". Поразмыслим об этом.

Письмо мое затягивается, и мне не хватает времени и места, чтобы выразить свое впечатление о всех произведениях альманаха,

достойных тщательного анализа. Я коснусь лишь стихотворений трех поэтов. Стихотворных писателей с достаточной степенью точности можно разделить на три неравные группы. К первой, самой многочисленной, существующей всегда и везде, относятся поэтические натуры: у них есть что сказать, но сказать они не умеют. Вторая группа, весьма небольшая, состоит из артистов: они умеют сказать, но сказать им нечего. И только третья, во все времена крохотная группа, — поэты: у них есть что сказать и они умеют сказать.

Я не берусь определить масштабы поэтического дарования Инны ЛИСНЯНСКОЙ, но очевидна истинность этого дарования. Ее сборник "Виноградный свет", вышедший в прошлом году, не вызвал откликов в печати, но знатоки поэзии его заметили и оценили чрезвычайно высоко. В сборнике есть то, что делает стихотворца поэтом: гармония мысли и чувства. Семь стихотворений Инны ЛИСНЯНСКОЙ, отвергнутых в числе других девяностю /!/ издательством и помещенных в альманахе, ретроспективно обогащают содержание "Виноградного света" и наше представление о поэте. Среди ярлыков, наскоро приклеиваемых к "Метрополю" /серость, пошлость, секс/, есть и такой: богоискательство. Видимо, этот ярлык предназначен прежде всего ЛИСНЯНСКОЙ. Нужно ли возразить ярлыковедом, что поэзия испокон веков занята такого рода исканиями, испокон веков тяготеет к трансцендентности, — и даже в том случае, если поэт считает себя атеистом. По пути таких исканий направили русскую поэзию ЛОМОНОСОВ и ДЕРЖАВИН, и мы видим на этом пути и наших старших современников — БУНИНА и БЛОКА, ЕСЕНИНА и ПАСТЕРНАКА. Сама просодия русского стиха, как и просодия стиха латинского или древнееврейского, — молитвенная. Изменить или разрушить ее невозможно, как ни старайся.

Эту просодию мы слышим и в стихах Евгения РЕЙНА, хотя многие из них нарочито приземлены. РЕЙН смело, порой дерзко соединяет высокое с низким, необычное с будничным. Он мастер сюжетного стиха, и чем размахистее его повествование, тем пронзительнее звучит лирическая нота. "Из-за чего же, дружок, ты проиграл? Мой ученик, мой гениальный мальчик". — Мы догадываемся, кто этот ученик, и трепет пробегает по нашему сердцу. РЕЙН уже сидит,

а так досадно мало опубликовал стихов.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ – очень русский поэт по структуре своих метафор и тропов. Что-то есть в нем идущее от Федора ГЛИНКИ, от ХОМЯКОВА, отчасти от СЛУЧЕВСКОГО. Он способен мгновенно и кратко охарактеризовать явления и события родной истории, – заходит ли речь о Новгороде-купце, о Пскове-воине, об островском кашемире и кустодиевских розах или про "утро лунное, похожее на воск и растопившееся медом". Стиль его сдержан, сосредоточен на главном. Юрий КУБЛАНОВСКИЙ заслуживает серьезного к себе отношения.

"Московский литератор" опубликовал заявление Сергея МИХАЛКОВА, касающееся меня: "Мне непонятна позиция С.ЛИПКИНА. Представители национальных литератур, эпос которых он перевел и которые еще не вышли из печати /неграмотность фразы, уверен, принадлежит редакции, МИХАЛКОВ отлично владеет русским языком/, задумываются сейчас над тем, а не следует ли им обождать, пока найдется другой ЛИПКИН!"

Действительно, в моей переводческой работе меня больше всего привлекало воссоздание памятников эпической поэзии – "Шах-Намэ" ФИРДОУСИ, поэм НАВОИ и ДЖАМИ, эпоса калмыков – "Джангар", киргизов – "Манас", бурят – "Гэсэр", татар – "Идегей" /вещь, которую не могу опубликовать/, кавказских "Нартов", пространных эпизодов индийской "Махабхараты". Я благодарен судьбе за то, что эта работа привела меня к изучению истории, быта, языков народов Востока, открыла мне философские прозрения мусульманства, буддизма, индуизма. Я благодарен судьбе за то, что во время войны, в рядах 110-й кавалерийской дивизии, я делил с воинами-калмыками опасность боев и тяжкую горечь нашего временного отступления. Когда в годы сталинского геноцида решили ликвидировать как нации калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, я с ума сходил от невыносимой боли, я плакал по ночам, вспоминая высланных друзей. Эта боль мучает меня и поныне. Трагедии калмыков и чеченцев я посвятил страницы своих поэм, которые до сих пор не напечатаны, хотя я их не раз предлагал различным редакциям. Мы помним, как сталинские лите-

ратуроведы и историки указывали народам: пусть они вычеркнут из памяти, втопчут в прах свое национальное достояние – эпические поэмы. К счастью, из этого ничего не вышло. Подумал ли любимец советской детворы, что он невольно продолжает бессмысленное дело варваров, указывая "представителям национальных литератур", как поступить – теперь уже не с подлинником, а с переводом. Задумался ли МИХАЛКОВ над тем, что в наших республиках есть образованные, умные, честные ученые и писатели, которые в указках и подсказках не нуждаются. Да и с чисто литературной точки зрения филиппика МИХАЛКОВА бессмысленна. Можно назначить председателя союза писателей, но нельзя назначить писателя, назначить поэта-переводчика. Будут другие переводы восточных эпических поэм, они будут лучше, чем мои, но моих они не заменят, – точно так же, как юмор нового детского поэта не заменит михалковского юмора.

Друзья меня спрашивают, – жалею ли я о том, что из-за участия в альманахе "Метрополь" я оказался на старости лет в трудном положении. Да, жалею, жалею о том, что представлен в "Метрополе" весьма небольшим количеством стихотворений.

Анатолий ФРАНС рассказал о набожном акробате, который служил Богородице с помощью фокусов: иначе он не умел ей служить. Авторы альманаха – писатели, очень разные по манере письма, по кругу тем, по пониманию основ художественности. Но их сближает /если мне будет позволено применить к делам нашего цеха столь высокий термин/ – экуменическое начало. Все авторы хотят, каждый по-своему, служить Богу, чье имя – Правда, и не хотят служить дьяволу, чье имя – Ложь.

С уважением

С.ЛИПКИН

СЕМЕН ИЗРАИЛЕВИЧ ЛИПКИН – родился 19.09.1911 в Одессе. Поэт, поэт-переводчик, в Союзе писателей с 1934 года, друг А.АХМАТОВОЙ. Перевел: калмыцкий эпос "Джангар", киргизский эпос "Манас", кабардинский эпос "Нарты", поэмы А.НАВОИ, ФИРДОУСИ, а также стихи турко-язычных поэтов и поэтов, пишущих на фарси.¹

1. Кайсын Кулиев оценивает С.Липкина как "одного из лучших знатоков и переводчиков поэзии Востока" (см. "Новый мир", 1967, №12:244).